

**ВЯЧЕСЛАВ
БЕЛУСОВ**

СТРОИТЕЛЬ

Все произошло не так, как представлялось и майору Серкову, и ему самому. Убийца решился на крайность! На миг Константин потерял бдительность, отвел от монаха глаза. Кто-то черной тенью накрыл склонившуюся над свечкой фигуру и исчез вместе с обреченным стоном жертвы, тяжело рухнувшей на каменный пол. Убийца канул во мрак, словно его и не было вовсе, и, если бы в спине монаха не торчала рукоятка узкого, как жало змеи, ножа, из-под которого на пол быстро набежала лужица крови, легче было заподозрить в случившемся нечистую силу, нежели живое существо.

**Прокурор
Никола**

Вячеслав Павлович Белоусов

Прокурор Никола

Серия «Остросюжет»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6024116

Прокурор Никола : роман / Вячеслав Белоусов.: Вече; Москва; 2011

ISBN 978-5-9533-5473-8

Аннотация

Так и не удалось прокурору области Николаю Петровичу Игорушкину отдохнуть в кругу семьи. Посланный за ним старший лейтенант милиции огоршил сообщением: произошло настоящее ЧП! Из монастыря украдены ценные реликвии XVII века, убит монах-послушник. И самое главное – труп исчез буквально из-под носа оперативников!

Однако, начав следствие, прокурор Игорушкин даже не предполагал, что ни одна из выдвинутых версий не сработает, а само дело примет вовсе непредсказуемый оборот, приоткрыв одну из древних тайн известного монастыря.

Содержание

Книга первая. Кладоискатели	5
Тетрадь шестая	8
С покойником наедине	8
Что на свете всех милее	22
Незнакомец и братья	32
Чудеса, тайны и ужасы	43
Легат и его легионеры	70
Люди подземелья	77
А между тем, погожим поздним утром...	91
Черные люди	99
Corporis faces[9]	111
Владыка	118
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Вячеслав Белоусов

Прокурор Никола

© Белоусов В.П., 2011

© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Книга первая. Кладоискатели

*Посвящается
Николаю Петровичу Егорушкину,
прокурору Астраханской области
с 1963 по 1983 год
Feci quod potui,
faciant meliora potentes¹*

Уважаемый читатель!

Кто знал его, как я, согласится – это был великий человек.

Трафаретные эпитеты и льстивые фразы о нем неуместны, и я на страницах этих тетрадей постараюсь рассказать, каким он в действительности был за пределами служебных аттестационных характеристик, помпезных совещаний, чиновничьего этикета.

Его жизнь, конечно, не определяют эти и последующие повествования: «Тайна расстрельного приговора», «Кладоискатели», «Любой ценой», «Коварная дама трэф» и другие. Они, скорее, есть попытка автора объективнее и полнее воссоздать личность этого человека, появившегося на страницах впервые вместе с героем всех предыдущих повестей: «Твари из тихого омута», «Охота за призраком», «Возмездие» и «Премия за убийство».

¹ Я сделал все, что мог; кто может, пусть сделает лучше (*лат.*). Так римские консулы заключали отчетную речь, передавая полномочия преемнику.

Сказать, что он ценил и уважал свое дело, – не сказать ничего. Он весь ему предан, это было главной целью жизни. Когда его отправили в отставку, он болезненно переживал необычную пустоту вокруг себя, метался, не находя достойного места преклонить умную светлую голову, способную еще приносить стране большую пользу.

Но не оказался востребован.

Заразе, вроде партийных и советских бонз, он был опасен, нарождающимся олигархам неугоден, поэтому оказался никому не нужен, как вымирающий мамонт.

А потом мы его хоронили...

Искренний в чувствах, порой грубоватый, он скидывал служебный жесткий китель не в любом обществе: оставаясь простым, не становился простоватым. Настоящих и давних друзей не имел, как каждый порядочный прокурор, он был обречен на одиночество. Если только в ранней юности, когда почти мальчишкой учительствовал в начальной школе перед войной. Он не имел привычки заводить знакомств, тем более заглядываться на чужих женщин, хотя в иные времена его окружали отчаянные светские львицы. К примеру, в Сочи, где он был прокурором города. Сам симпатяга в молодости, почти двухметрового роста молодец в офицерской форме пленял и покорял сердца многих недотрог и искушенных матрон. Но его собственное сердце было занято с первого взгляда однажды и навсегда единственной женщиной, которую он преданно берег до конца дней.

Ее звали Анна, что значит Благодать, поистине она была его Божьею Благодатью; пережив его, как и положено на Руси любимой, она обрела вечный покой через несколько лет рядом, с достоинством и без ропота...

Прожить, повторить его жизнь, затмить его имя не суждено никому из сменявшихся следом прокуроров. А теперь, при современной суете, и подавно! Он нес свой крест с честью и высоко поднятой головой Настоящего Российского Прокурора!

На Востоке об ушедших навеки говорят: вспомним его, и он будет жить снова.

Пусть живет вечно в нашей памяти! Он заслужил.

Тетрадь шестая

*О гроб, ты рай для тех ушей,
Которые толпы боятся.
Смерть хороша – всего ж милей,
Когда б и вовсе не рождаться.*

Генрих Гейне

С покойником наедине

Он поступил так почти машинально, долго осмысливать и гадать не позволяло время, а поэтому не жалел и не корил себя.

Но это будет потом – расклад и анализ. А сейчас почти в кромешной тьме при единственной чахлой свечке, коптящей на крышке одной из трех гробниц, Константин оттащил мертвеца в тяжелой черной рясе к замеченному ранее углублению в каменном полу склепа и жестким, но аккуратным толчком спихнул вниз.

Расчет оказался верным. Покойник исчез из вида в довольно глубокой нише, словно в заранее уготовленном гробу.

«Прости, бедняга, за неудобства, – мысленно повинулся Волошин, провожая взглядом труп, – но выбирать не прихо-

дится. Лучшего не найти. Зато с глаз долой. И тебе, и мне спокойней».

С бешено колотящимся сердцем он занял место покойника, стараясь принять ту же позу, так же нелепо и неестественно раскинув руки и ноги. Закончив с этим, чертыхнувшись, спохватился о мелочах. И снова задвигался, зашевелился.

Прежде всего – как он мог забыть! – убрать все, что может напомнить о его собственном присутствии. Там ли он водрузил свечку? Повертел головой. Лежа на животе, это удавалось с трудом. Так... Что еще?.. На нем по погоде был тонкий длинный плащ черного цвета. «Сойдет в темноте за монашескую рясу на первых порах, а там дальше, как получится. Как все развернется», – успокоил он себя, удобнее укладываясь на булыжниках, насколько это позволительно. Лежать придется неизвестно сколько, поэтому располагаться следует основательно, чтобы потом не ворочаться. Не исключено, что, возвратившись, убийца поначалу будет наблюдать исподтишка, опасаясь засады. Жук он тот еще, по всему видать...

Пол дышал живой бодрящей прохладой, и тошнотворное горячее чувство от недавнего общения с мертвяком постепенно уступало место приятному успокоению. Это привело к порядку в дыхании и мыслях, но – новая напасть! – вскоре начали сами собой закрываться глаза, и он, умиротворенный тишиной в склепе, начал подремывать.

«Не уснуть бы! – мелькнуло в голове. – А то все дело со-

всем заугблю». И Константин напрягся, вспомнив требовательные напутствия майора Серкова и тревожные наставления, что именно в склепе все и должно произойти. Здесь ему велено с монаха Ефимия не спускать глаз.

– На людях и на улице среди белого дня, даже в церкви у них не хватит наглости, – твердил Серков, поучая Волошина. – Будь настороже в темных маленьких помещениях. Скорее всего, этим местом будет склеп. Вот куда они обязательно должны проследовать, а посторонним как раз туда дороги нет. Но ходоков будет несколько. Ты следи за отцом Ефимием.

– А чем он приметен? – нетерпеливо спросил Волошин.

– Усат и бородат основательно, – майор задумался, вспоминая. – Еще что? В общем, лохматее всех остальных, его волосатость превышает все границы.

– Во поп! – не удержался Константин от восхищения.

– Я бы сказал, лохмат, как нестриженный пудель, – хмыкнул Серков, подводя черту под словесным портретом монаха.

– Я, кстати, таким его и представлял, – усмехнулся Константин.

– Это почему же?

– Злодейскими делами только такие люди и должны заниматься. Настоящий разбойник, а не поп!

– Ты с выводами-то не торопись, – одернул его майор. – С чего это взял про злодейские дела? Разбойник? Кто тебе

сказал?

Волошин насупился, пристыженный.

– Нам пока мало что известно. Все это лишь предположения. А вот то, что в области подобной операции еще не проводилось, это верно. Кладами да сокровищами нам заниматься всерьез не поручали. Все как-то милиция...

– Откуда им быть? В нашей глуши-то?

– Не скажи. Здесь Стенька Разин из Персии награбленно-го добра знаешь сколько перевозил! А скифские захоронения? До сих пор в буграх да холмах полоумные роются. Коня золотого отыскать мечтают.

– Что за конь?

– Чингисханом закопан.

– Сказки?

– История нашей родины, боец. Знать надо.

– Байки все это, – отмахнулся Волошин. – Со школьной скамьи слышан. Только никто ничего не находил. Я же городской.

– Ну-ну...

– Мы пацанами в свое время весь кремль облазили; в подземных подвалах, которых там тьма была, тоже клады искали, как помешанные. С нами и солдаты рылись. В кремле же армейское соединение стояло.

– Было дело.

– Вот мы как-то и наткнулись на солдатский штык в подземелье. Помню, это было где-то под Троицким собором. Там

еще до сих пор склад заброшенный. А штык аж с Гражданской войны. Значит, и тогда там лазили. Искали чего-то.

– Заброшенных складов не бывает.

– В историю с Мишкой, другом моим, однажды попали.

– Интересно.

– Увидели ход в подземелье! В храме! Попытались сразу пошарить там, поискать. Сунулись, а ходу конца нет! Идет под землю, и темнотища вокруг.

– Чего же вас туда понесло?

– А вы спросите что попроще. Пацаны! А тут подземелье. Секрет подземного хода решили разгадать. Втайне от родителей весь вечер готовились. Фонарики, веревки, харчи собрали. Одним словом, вооружились. Утром тайком подобралась к дыре той. И неизвестно, чем бы дело закончилось, не слови нас мужик один. Дворник – не дворник. Не помню уже. Только свел он нас к участковому.

– Вот как!

– Да, товарищ майор. Крепко нам тогда влетело. От родителей в первую очередь.

– А с подземельем-то как?

– Засыпали ту дыру. А ведь тайный тот ход был. Из-под Троицкого монастыря шел за стены кремля. В народе молва ходила. Подземные ходы в каждом монастыре и в храмах церковных делали специально. Чтобы спрятаться от врагов самим и добро сберечь. Иконы, какие другие ценности.

– Логично.

– Другое удивляет.

– Это чего же?

– О находках мало что слышно. Хотя, с другой стороны...

– Официальных раскопок подземелий не производилось.

А пираты или, как их еще называют, черные кладоискатели и найдут – не скажут.

– Вот-вот.

– Не так-то они просты, эти черные кладокопатели. Я вот знал одного такого. И вроде знакомы были, а из него слова не вытянешь.

– Понятное дело. Он же чует, с кем говорит.

– Ну, при чем здесь это! У нас хорошие отношения. Можно сказать, доверительные... А как заходит разговор о его... увлечениях – враз молчок, и на другие темы перескакивает.

– Ему кто попроще.

– Вот ты у нас и будешь за глаза и уши. Понял?

– Скумекал.

– Тише воды, ниже травы.

– Понял, товарищ майор.

– И смотри у меня, – погрозил для порядка Серков, – чтобы без самодеятельности. Тебя не должны заметить. Скорее всего, их встреча состоится в склепе. Там и разговор, конечно. Сложность будет в том, чтобы незаметно для Ефимия и остальных тебе туда проникнуть.

Серков внимательно оглядел лейтенанта госбезопасности, остался доволен его мрачной экипировкой, развел в бесси-

лии руки:

– Но эту задачу тебе придется решать самому на месте. Определишься, так сказать, в зависимости от обстоятельств...

Проникнуть незаметным в склеп, крадясь за толпой монахов по темным коридорам из церкви в склеп, и спрятаться там, в углу, куда не доставал свет свечей в их руках, Волошину вроде удалось. Он перевел дыхание, влипнув в булыжную стену, пытаясь слушать невнятное бормотание склонившихся над гробницами монахов, но улавливал лишь невнятные обрывки незнакомых фраз.

«И язык какой-то не наш, – пугался Константин, ломая голову, потом догадался, – старославянский, наверное».

Время шло медленно, или это ему казалось в темноте и нервозности, а он его торопил?

Мирно, друг за другом покинули склеп спутники Ефимия, а он явно специально задерживался: закопошился, меняя свечку на одной из трех гробниц. Затворилась со скрипом дверь за ушедшими; звук этот неприятный, дребезжащий и режущий душу, долго стоял в ушах. Повисла зловещая тишина в склепе. Никого. Или еще кто-то невидимый для глаз Волошина затаился за колонной? В темноте не разглядеть. Взлохмаченный монах, не выпрямляя спины, поправлял светильник, укреплял его обеими руками на каменной плите. Лишь черная тень от фигуры Ефимия колыхалась по склепу.

Константин чуть отвлекся, пристально изучая мрачное помещение, и утратил наблюдение за главным. Упустил мгновение. Не учуял момента.

Все произошло не так, как представлялось и майору Серкову, и ему самому. Убийца решился на крайность! На миг Константин потерял бдительность, отвел от монаха глаза. Кто-то черной тенью накрыл склонившуюся над свечкой фигуру и исчез вместе с обреченным стоном жертвы, тяжело рухнувшей на каменный пол.

А дальше все закрутилось.

Убийца канул во мрак, словно его и не было вовсе, и, если бы в спине монаха не торчала мерзкая рукоятка узкого, как жало змеи, ножа, из-под которого на пол быстро набежала лужица крови, легче было заподозрить в случившемся нечистую силу, нежели живое существо.

Проклиная себя и всех чертей на свете, Волошин бросился к монаху, не веря своим глазам, пытаясь уловить хотя бы малейшие признаки жизни, лихорадочно ощупал холодеющее тело, но только извозился в крови и окончательно убедился в своем досадном промахе. Его с необыкновенной силой одолела злость, он не мог понять, откуда взялся убийца и куда пропал, так как дверь из склепа не только не отворялась, но и не дернулась. Никто в эту тьму не входил и не выходил! Ничто не шелохнулось, даже свеча, слабо всколыхнувшись пламенем, не потухла и тлела по-прежнему мерцающим огоньком, освещая скрюченные пальцы мертвеца на

нелепо вывернутой левой руке да искаженное гримасой боли бледное лицо с всклокоченной бородой.

«И крикнуть не успел», – подумал Константин, заглядывая в остекленевшие зрачки Ефимия. Широко открывшиеся от неожиданного ужаса и страданий, они застыли, прянув в вечность; лицо каменело, на нем растекалась маска смерти.

С грозившей погаснуть свечкой Константин обежал весь склеп, ткнувшись в каждый угол, осмотрел каждую из трех гробниц, обшарил каменный пол и даже, задрав голову и подняв руку с огнем вверх, оглядел своды потолка. Следов убийцы обнаружить не удалось. Если кто и был, то провалился, словно в тартарары.

«Не с ума же я схожу, безмозглый дуралей! – ругал он себя, теряясь в догадках. – Убийца, должно быть, скрылся в тайнике, откуда и появился. Открой он дверь из склепа, я бы не упустил момента».

Волошин судорожно царапал стены, лишь приметив малейшую подозрительную трещину, надавливал изо всех сил на каждый мало-мальский бугорок или выступ, ища доступ к тайнику, однако кругом его ждало разочарование. «Завалил все дело, раззява!» – стонал он от отчаяния, не зная, что делать.

Опустошенный и уставший, он опустился на крышку самой большой гробницы, поставил свечку на место, укрепив воском, обхватил голову руками. В более безысходную и нелепую ситуацию попасть ему еще не приходилось.

«Хорошим же идиотом я предстану перед Серковым! – мучил он себя. – Не простит он мне промаха. Ни о каком оправдании не может быть и речи».

Он позорно, как мальчишка, проворонил и убийство, и убийцу. Упустил, как сопливый птенец! А ведь чуял присутствие чужака рядом с Ефимием! Даже угадывать пытался его среди следовавших за монахом спутников. Да начал играть в загадки! Вот и доигрался. Конечно, убийца сам его приметил раньше. И обхитрил. Поймал момент – и нож в спину. Удар был настолько силен, что нож прошел тело чуть ли не насквозь. Поэтому Ефимий и рухнул от мгновенно грянувшей смерти. Не вскрикнул и рта не успел раскрыть. Профессиональный удар. Выверенный. Убил он его, чтобы избавиться от свидетеля. Заметив слежку за собой и монахом, решился на последнюю крайность...

Что делать?.. Вызывать людей?.. Звонить Серкову?.. Расписаться в явном постыдном проигрыше?..

Как только в церкви услышат о смерти Ефимия, поднимется невообразимый переполох до приезда милиции. Это отпугнет убийцу совсем, если тот еще не потерял надежды и попытается заполучить то, что должен был забрать от Ефимия. Даже от мертвого. А иначе зачем назначалась встреча? Монах должен был вести переговоры или, скорее, что-то передать неизвестному. Здесь, где-то в церкви или в склепе, у них намечалась сделка. Но не состоялась. И виной тому его промашка. Рано Константин поверил в удачу. Где-то он

засветился, и убийца уже не спускал с него глаз, а убедившись в своем подозрении, решил убрать монаха. Посчитал того провокатором? Впрочем, теперь не так и важно, что заставило убийцу пойти на крайность. Одно бесспорно: игра стоила того, раз жизнь Ефимия оказалась в ней разменной монетой. Значит, велика ставка!

От внезапного недоброго предчувствия Волошину стало совсем не по себе и, по-настоящему, впервые в жизни страшно и одиноко. Был бы рядом Серков! Вот влип в историю!

Конечно, он где-то неосторожно подставился, сплоховал, зазря высунулся, и убийца оказался зрячее его. Как же это случилось? Когда? Значит, точно, неизвестный с самого начала был среди спутников монаха и в их одеянии, и Ефимию это было известно. Следовательно, он вел двойную игру. Серков об этом не догадывался ни слухом ни духом. Но что от этого ему, Константину? Пустое это занятие – ловить вчерашних голубей. Надо думать, что предпримет его искусленный противник теперь.

Волошин уставился пустыми глазами на тлеющий огонек свечки. От него, казалось, шло тепло и даже светлело в голове.

Нож в спине монаха!

Как же сразу его не осенило? Убийца второпях оставил явную улику. Нож длинный и глубоко вошел в тело покойника, а может быть, и застрял где-то в ребрах. Сразу вытащить его убийце не удалось, а потом не было времени с ним

возиться. Надо было успеть спрятаться.

А теперь?..

А теперь убийце необходимо возвратиться! Не станет же он оставлять такой след до приезда милиции и прокуратуры. Как это любил повторять майор Серков? Корпус деликти²? Вот именно, явный корпус! И может привести к большим неприятным деликтам для владельца приметной финки.

Константин чуть было не подскочил с гробницы от такой мысли.

Если убийца легко и мгновенно исчез, не выходя из склепа наружу, значит, он может так же внезапно и возвратиться! Эта догадка ошарашила Константина и несказанно обрадовала. Ему давался шанс. Вот оно, спасение! Это выход из тупика! Убийца должен был вернуться сюда до появления посторонних. Тем более милиции. Сначала он скрылся сгоряча, но ведь наступит холодное отрезвление от утраченного орудия преступления. Его одолеет страх неизбежного разоблачения. Он выждет время, необходимое для того, чтобы Константин покинул склеп, и явится назад как миленький! А куда ему деваться? К тому же он оставил у монаха то, ради чего назначалась встреча.

Об этом тоже нельзя забывать.

Лейтенант нагнулся над трупом и еще раз скрупулезно исследовал его верхнюю одежду. Нет. Ничего. Даже карманов не имелось на рясе. И на груди лишь крест на простой вере-

² Corpus delicti (лат.) – вещественное доказательство преступления.

вочке. Пусто.

Вот тогда-то им и овладела ожегшая сознание дерзкая и необыкновенная мысль. Лучшего не придумать! Это была настоящая находка!

И Константин бросился прятать мертвеца, заметив еще в начале поисков ту странную и с виду ненужную здесь глубокую одинокую нишу в булыжном полу, куда сам едва не свалился.

Теперь, заняв место трупа, подремывая и домысливая, Константин не спеша переваривал в голове последние события. Вынужденный покой угнетал, надо было все время заставлять себя о чем-то думать. Он боялся только одного – заснуть. И придумывал все, чтобы этого не случилось, порою даже до боли щипал себя, до крови закусывал губы. Большой пользы это не приносило. Тьма и чахлая свечка делали свое дело. Срабатывал выдрессированный до конца жизни инстинкт бывшего пограничника: лег – спи, встал – беги.

Он в который раз внимательно огляделся по сторонам. Вертеть головой, лежа животом на полу, занятие не простое, но менять позу уже было опасно. За ним мог наблюдать тот, кого он ждал. Поэтому Волошин больше вращал зрачками, но скоро устал и ткнулся носом в пол. Это хорошо, что он оказался одного роста с убитым, рясу заменял плащ, поэтому в темноте убийца сразу не разберет в чем дело, а когда начнет копаться, рыться в его одежде, то поймет, что влип, – Константин перестанет играть с ним в прятки. Второй раз

незнакомец от него никуда не денется.

Кстати, что это за склеп, укрывший навсегда от людских глаз три вековые гробницы, труп монаха Ефимия и теперь его самого?

Каменное, обстоятельно выстроенное на сотни лет вместилище усопших... Размещенное на территории кремля, в черте Старого города, возле богатого храма и колокольни, эта усыпальница могла служить местом успокоения только очень влиятельных в миру людей, служителей Бога или знатных господ. Серков рассказывал ему про важную особу, его жену и дочку, схороненных здесь, но Волошин оставил без внимания ту информацию. Из всего сказанного майором он отметил для себя, что с умершим монахом или боярином в гробнице якобы закопаны были когда-то несметные сбережения, драгоценности, служившие украшением женщин почившего, а теперь они стали интересом темных сил. Вот за это и получил нож в спину монах Ефимий. Несомненно, что и он имел какое-то отношение к тайне этих сокровищ. Клад стал причиной его гибели...

Легкий шорох прервал размышления лейтенанта и заставил его насторожиться. Точно! Ошибиться он не мог. Где-то за спиной раздались крадущиеся шаги, и пламя свечи заметно колыхнулось от движения воздуха. Однако дверь в склеп оставалась закрытой. Шорохи и поскрипывание зловещих шагов доносились от самой маленькой гробницы, что находилась несколько в отдалении от усыпальниц родителей. Там

где-то, припомнил Константин, приготовившийся ко всякому, находилась и ниша, в которую спихнул он мертвеца. Теперь кто-то неизвестный явно двигался оттуда. За спиной Константина в кромешной тьме он осторожно подбирался к цели. Но вдруг шаги смолкли. Все замерло. Казалось, у Константина прекратилось биться даже сердце. Нет! Что это? Шорох возобновился. Шаги приближались. Едва уловимые. Зловещие. Волошин начал их считать. Один... Два... Сколько еще осталось до него? В голове забегали, замелькали мысли одна страшнее другой. Двигалось это неведомое и невидимое оттуда, где был им спрятан покойник! Другого там быть не могло! «Уж не сам ли мертвец поднялся из гроба? Ну, держись!» – задохнулся Константин и, перевернувшись на спину, рванулся вперед.

Что на свете всех милее

Над гладью заспанной речки ни шороха, ни шепота, ни звука. Замерло. Тихо все. Благодать.

Команда, отданная Михал Палычем, чтобы никто ни гу-гу, исполнилась беспрекословно и неукоснительно. Утро над речкой и то застыло. Время, казалось, остановилось. Лишь туман постепенно садился. Прямо-таки первозданная тишина.

Рыбаки, все четверо, обмазанные с ног до шляп специальным, приготовленным тем же Михал Палычем диковинным

кремом от комаров и прочей нечисти, расточая невероятные запахи и благоухания, затаились в зарослях прибрежного камыша. Каждый на своем заветном месте, с трепетом дожидаясь начала клева. А сколько хлопот и трудов это стоило?!

Для приезжающего гостя Михал Палыч заранее облюбовал и опробовал лукавый симпатичный заливчик в гуще тростника. Рыба здесь, по его словам, сама выпрыгивать станет на сковороду, успевай сачком ловить. Гость останется доволен, если знает вкус рыбалки, если хотя бы однажды держал удочку в руках.

– Удочку-то он держал. Не сомневайся, Палыч, – показывал недоверчиво головой Игорушкин. – Только у нас он впервые. Не опозориться бы. Борис Васильевич все в Алтай на омуля да в Карелию на озера выезжал. К нам ехать не соглашался. Едва мне удалось его уговорить.

– После нашей рыбалки, Николай Петрович, потеряет Кравцов вкус ко всем прежним местам, – уверенно заверил шефа водитель. – К нам парходом будет ездить. Больше никуда!

– Твоими бы словами, Палыч.

– Голову на отсечение даю!

– Ну-ну, не зарекайся.

– Век баранку не крутить! – понесло шофера.

Такому весоному аргументу возразить было трудно. Однако Игорушкин, подумав, посоветовал шоферу укрепить в заливчике гостю стульчак. Для удобства. В воде, но у береж-

ка. Из камыша навес над ним соорудить. Солнце беспощадное, для москвичей непривычное: увлечется рыбачок, напечет с непривычки голову. А голова эта на всю Россию одна такая!..

– Что это за рыбац, если сидеть будет! – возмутился Михаил Палыч и даже чертыхнулся с досады. – Настоящему ловцу клев не позволит сесть.

– Годы, возраст. Все такое, – не сдавался Игорушкин.

– Да он моложе вас!

– Сравнил! У меня опыт. Я сколько уже здесь, на Каспии! Пообвыкся. И к жаре. И к солнцу. А он что?

– А он боевой офицер! – не унимался водитель. – Герой-фронтовик!

Чувствовалось, биографию прокурора России он изучил изрядно, подготовился к встрече.

– Артиллерией командовал! Бог войны!

Этот аргумент оказался увесист. К тому же водитель сказал так, как отрубил. После этого Игорушкин смолк насчет скамейки, хотя и чувствовалось, что слова подчиненного его не убедили.

Он, немало сомневаясь, начал советоваться с Тешиевым, который поблизости тоже зорким оком изучал обустроенный для важного гостя заливчик.

– Что скажешь, Трофимыч? – смущенно обратился к нему прокурор области.

– Не помешает стульчак, – согласился тот. – На всякий

случай. Пусть стоит. Лишним не будет.

– Вот! – сразу ожил Игорушкин. – А я что говорю? А этот мне сказать не дает.

Нафедин передернул плечом и покраснел.

– Знаток, нашелся меня учить! – Игорушкин укоризненно глянул на водителя.

– Я слышал, у него ранение фронтовое имеется, – продолжил заместитель. – В ногу как раз. Он действительно артиллерист. Снарядом угодило. Вроде под Берлином.

– Вот, вот! – Игорушкин взмахнул руками.

– Может подвести нога у воды-то, – не унимался Тешиев. – А на нашей жаре, будь она неладна, как бы чего не случилось. Тогда совсем это... А потом что? Одним словом, шир-пыр, восемь дыр.

– Известная картина.

– Ну, делайте как хотите! – совсем взвился водитель и махнул в отчаянии рукой. – Вы – начальники, вы и решайте! Только я позориться не стану. Высмеет нас Кравцов с этим креслом.

– Да какое кресло? – замахал руками Игорушкин. – Так. Скамеечка небольшая. И навесик от солнца.

– Тогда вспомните меня, – не унимался Нафедин, отходя в сторону.

– Креслице можно соорудить, – рассуждал, будто сам с собой, Тешиев, лукаво улыбаясь. – Только вот незадача! Вдруг Кравцов не один приедет?

Игорушкин онемел от такого оборота, открыв рот от удивления.

– Вдруг... девушку какую возьмет.

– Это зачем? В его-то годы?

– Какие у него годы? Нас не старше, – хмыкнул зам. – А девушка, она разве помешает в дальней поездке мужчине?

– Он меня заверил, что будет один, – буркнул Игорушкин, – разве что приятель из министерства юстиции. Жена-то приболела. А тот – старый друг.

– Вот! – начал потирать руки довольный собой зам, – а я что говорил? Вот вам и дружок!

– Для сугрева, – хохотнул своей догадке водитель.

– Николай! – нахмурился Игорушкин, он не терпел легких тем и легкомысленных намеков в отношении начальства. – Чего ты несешь?

– А что? Я без этого, – не обиделся тот и зигзагообразно повел рукой. – Я тоже, может быть, биографией Бориса Васильевича зачитывался. И знаете, чего мне встретилось?

– Не заводи бодяги, – отмахнулся Игорушкин, – опять за свой треп.

– Подружка у Бориса Васильевича имеется.

– Хватит! – Игорушкин оборвал зама.

– Серьезная дама, Николай Петрович. Поэтесса. Не слышали? Юлия Друнина, – не останавливаясь, затараторил Тешиев. – Со школьной, так сказать, скамьи...

– Хватит вам, – закрывая тему, отвернулся от обоих

Игорушкин и бросил в сторону водителя совсем уж сердито:
– А ты, Михал Палыч, ставь скамейку, как я сказал.

– Нет. Увольте покорно, – уперся тот, понуриив голову. –
Зовите, Николай Петрович, своего Волобаева, пусть Виктор
Сергеевич командует парадом.

– Прокурору района не до этого! Он и так закрутился со-
всем с приездом.

– Ничего. Он здесь и за сторожа, и за повара. Он вам что
захотите, то и сварганит. А я не буду. Не получится у меня.

– Что так?

– Еще свалится с моего стульчака прокурор страны, на
всю Россию опозоримся. Не плотник я. Шофер.

Нафедин сам три войны прошел-проехал. Считал себя не
без гордости, что ценил его за это и уважал прокурор обла-
сти, даже хвастался за глаза перед другим начальством. По-
этому имел право на самостоятельное мнение и независи-
мость, что постоянно и отстаивал при случае.

– Мое дело – баранку крутить, а не стульчаки подавать, –
Михал Палыч закрутил папироску в руках, смял, раздавив,
вытащил из пачки другую.

Пальцы его не на шутку тряслись. Давно не бывало та-
кого. Как сел за баранку полуторки в финскую снаряды во-
зить, так и германскую всю проехал, только после японской
и то по причине уважительной – машину взрывом разнес-
ло – отдыхать пришлось в лазарете под Хабаровском. А как
выписали, еще пять лет трубил на китайской границе погра-

ничником. Зеленую фуражку до сих пор на гвоздике хранит. Домой возвратился, враз «особисты» к себе потянули, с той поры только прокуроров области и катал. По рекомендации самого областного военного комиссара! Ценило начальство Михал Палыча не только за прошлые фронтовые заслуги. Строг и нем был, как могила, а машину знал так, что разбирали до болтика движок и вновь собиравали; работавал агрегат после такой профилактики, как часы.

Державался водитель прокурора области на уровне, круче офицера какового, хотя и закончил службу сержантом. Молодых, не нюхавших пороху, даже прокурорских, глазом не замечавал и к себе не подпускавал. Слушавался только Игорушкина, да и то порой мог позволить себе не согласиться, когда чувял свою правоту. Нрав у него был жесткий, тремя войнами и границей скрепленный. И Игорушкин ценил за это шофера, а как человек, на фронтах боевых не бывавший, сам иногда от нрава подчиненного терялся, хотя вида старавался не подавать.

Вот и теперь он застыл от последней фразы Нафедина, в бессилии развел руки и молча воззрился на своего заместителя, вопрошая от Тешиева совета.

– Я книжечку-то этой поэтессы раскопал, – зачем-то тыкал ему в руки синенькую книжку стишков зам. – Возьму автограф дочке. Очень просила.

– Да о чем ты?! – отвернувшись Игорушкин, не понимая.

– На картинках как? – наседавал тем временем на прокуро-

ра Нафедин. – Там великие художники, не нам чета, рисуют рыболовов во весь рост!

– Чего? – не понял Игорушкин, не приходя в себя от возмущения.

– У меня в гараже висит. Ко дню рождения вы же подарили? Забыли?

– О чем ты?

– Репин. Художник. В шляпе там мужик на берегу с удочкой.

– Перов, – подал голос Тешиев.

– Ну, пусть Перов, – согласился шофер. – Только задницу-то он не опустил. А видать, давно так стоит, с поплавок глаз не сводит. И никаких тебе стульчаков!

– Надоели вы мне все! – махнул рукой Игорушкин. – Хватит. Заморочили голову. Одному баб подавай, другой с художниками! Репина приплел! Ты, Палыч, доведешь меня до инфаркта!

Он задохнулся от возмущения, забылся от чувств и никак не мог вспомнить, кого собирался призвать на помощь.

– В общем, не испорти обедню, Палыч. И чтоб рыба была. А стульчак?.. Хрен с ним, со стулом этим! Рыба чтобы! Понял?

– А кудь она денется? – вдохновенно засверкал глазами Нафедин, окрыленный победой. – Вон, по дну гуляет. Мешок не обещаю, а ведро Васильич накидает!

На том и сошлись.

Суэта эта, треволнения и приготовления к встрече большого гостя завершились все же благополучно накануне его приезда. Все участники ранним утренним часом в великом напряжении не сводили глаз с поплавок, забыв про все на свете. Но поправки спокойны, не шелохнулся ни один. Игорушкина и Тешиева, несмотря на утреннюю прохладу, начала пробивать легкая испарина, но Михал Палыча не смутить рыбьим коварством. А чего дергаться? Надо ждать восхода солнца. Оно еще никак не пробьется из-за горизонта. Не наступила нужная минута. Вот зорька царапнет, словно играющий котенок, лапкой верхушки деревьев и камыша, тогда держись, рыболов!..

Второй эпицентр компании, любимая дочка Игорушкина, красивая кудрявая девушка Майя с пронзительными темными глазами, обычно подвижная и энергичная, смиренно покачивалась в гамаке среди деревьев с книжкой в руках. Рядом присела отдохнуть, побеседовать с внучкой ее подружка, поверенная снов, сердечных секретов и надежд бабушка Марья. Да тут же и уснула в плетеном креслице. Ее тоже вывезли на природу по такому случаю, хотя Марья Гавриловна отчаянно сопротивлялась – дома на балконе с пушистым котом и вязальными спицами спокойнее.

Майя, недавняя студентка института, изучала иностранные языки в аспирантуре, ей на это мужское баловство с

удочками смотреть тошно. Она уже и за границей успела побывать, на практике в Африке, и с Аравийским полуостровом не по картам знакома, Йемен и Марокко чуть не наизусть знает, переплюнула самого отца, которого дальше столицы да Сочи силком не затащить. Сейчас она смолкла за книгой, затаив на родителей горькую обиду. Как же! Размечталась! Пригласила с собой старшекурсников и любимых подружек с кафедры на уикенд, прокурором страны похвастать. Когда еще такая знаменитость их посетит?! А родственнички ненаглядные запретили! Видите ли, молодежь любознательная не даст гостю отдохнуть! Майя царской походкой удалилась с гамаком в гущу деревьев и затихла, надув пухленькие губки. Благо книжку с собой захватила, чтиво не особенно серьезное в ее положении, но майнридовские герои увлекли, и она забылась.

Вся в делах Анна Константиновна. С соседкой по квартире, женой Тешиева черноокой Машей, они заканчивают сервировать к завтраку стол, уставляя его холодными домашними закусками. Михал Палыч наладил им огромный, прямо-таки купеческий самовар, сверкающий медью, и они по очереди подбегают к нему, подкидывают наструганную щепу. Обе любительницы чаепития, они соскучились по настоящему самоварному с дымком чаю, приготовили и сливки, и молоко, однако злодей не пыхтит, не булькает.

Как прекрасно это утро! Это безмятежное времяпровождение! Что на свете может быть милее?!

Незнакомец и братья

Хотя и на излете, солнце, видно, совсем доконало этого тощего бледнолицего, и он без сил тяжело плюхнулся на остроносую, искусно выстроенную кучу берегового прокаленного песка, распугав возившихся подле нее ребятишек. Упал, совершенно не держась на ногах, не владея своим телом, изможденный, как, наверное, тот Робинзон, почуявший задницей наконец-то долгожданное спасение после мучительного скитания по морю. Однако место, что ему приглянулось, явно выглядело неудачным и не сулило избавления от бед. Скорее, наоборот.

Чумазые, с выпученными злыми глазами пацаны, подняв крик, порхнули поначалу кто куда врассыпную. Но потом, опомнившись от испуга, разглядели на тонкой шее маленькую змеиную в огромных черных очках головку, ребра, выпирающие из чахлого синюшного тела, худющие руки и ноги и начали угрожающе окружать нахального незнакомца, гуртуясь возле патлатого рыжего верзилы.

Косинские, – коренные хозяева дикого пляжа на этом острове всегда были не прочь дать отпор чужаку и проучить его не лезть на их территорию, а уж обид тем более не прощали никому, особенно сейчас, с откровенной наглостью и издевкой к ним проявленным. То, что на порушенной куче песка, словно в кресле, восседал оборзевший взрослый дядька в

приблатненной кепчонке и с татуировками на волосатой груди и на руках, их нисколько не страшило. Косинские бивали блатных и покруче, не чета этому дохлому. Этот же был явно чужой. Чужой и наглый! И он, конечно, нуждался в изрядной трепке. Два шкета, поддерживая мокрые трусы, мчались к речке, где, встревоженные поднявшимся гвалтом, уже вылезали из воды пацаны покрепче, под стать рыжему вожаку.

Тощий между тем будто и не заметил, какой муравейник потревожил. Тяжко закашляв, даже кепчонкой рот заткнуть пытаясь, он с минуты-две сосредоточенно отплевывался, а затем еще сосредоточенней стал копаться в карманах штанов, пока не начал выкладывать на развернутый перед собой между ног яркий носовой платок различные предметы. Пачку «Беломора», коробок спичек и... ядерное зеленое яблоко! Огромное... ядовито-зеленое...

Мельком бросил из-под кепчонки взгляд на надвигающуюся тень мрачной толпы, словно оценивая дистанцию, и извлек из глубины кармана последнее – металлическую блестящую штуковину со сверкающей перламутровой рукояткой. Щелкнул кнопочкой – выскочило из перламутра безжалостное длинное лезвие. И отпрянула толпа. А татуированный не шелохнулся, не поднял головы, только лениво потянулся к яблоку, взвесил его чахлой рукой, поднял перед глазами, любуясь, и медленно, осторожненько начал счищать кожуру, заботливо стараясь не срезать лишнего. Получалось у него завораживающе. Как прикоснулся один раз, так ювелирно и

закончил, пока кожура длинной спиралькой не упала в платок вся. Мальцы пузатые совсем припухли, постарше оцепенели, один рыжий оглядывался по сторонам, пока не отыскал глазом в кустах здоровенный увесистый сук.

Тощий лениво поднял голову, еще глубже надвинул кепчонку на глаза, щадя их от солнца, оглядел расплзающуюся толпу.

– Закуривай, братва, – кивнул он на папиросы, а сам глаз не спускал с рыжего; отхватил ножом кусок яблока, сунул в рот, сверкнув золотой фиксой, захрустел с удовольствием: – Ты, что ли, Пашка-Дубок?

Рыжий вздрогнул, заморгал глазами, качнулся к суку, но в руки не взял, с трудом соображая.

– Знаешь, как угадал?

– Ну?

– В дугу согну, – незнакомец нахально ухмыльнулся. – Потому что рыжий.

– Чего? – шутка была отвергнута Пашкой, он опять искал глазами сук; кличку Дубок он признавал, даже гордился ею, а вот прозвище «рыжий» ему не нравилось, и не один наглец поплатился, забывшись, даже из своих.

Сейчас его не пугал и нож в руках незнакомца.

– Чего мурзишься-то? Рыжим в карты везет и на баб, – хохотнул опять незнакомец и даже попытался приподняться, привстать с песка.

– Не подходи, убую! – рванулся Пашка к суку, и толпа сно-

ва, словно стая волков, сгрудилась вокруг своего вожака.

Но тощий и не думал вставать, он лишь удобнее устроился на куче песка и теперь больше полулежал, нежели сидел.

– Выходит, лажу мне травил Костыль? – шелкнув ножом, спрятал лезвие и небрежно бросил в платок, захрустел снова яблоком, как ни в чем не бывало. – Кури, Дубок. Чего ощетинился?

Костыля косинские боготворили. Известный авторитет среди шпаны и жулья. Против него ни один не выстаивал на кулаках дольше пяти минут, а то и одного удара хватало. Отсюда и кличка лихая за ним ходила – костылил любого в драках и всеми на Косе заправлял.

Ватага вокруг рыжего растаяла на глазах, каждый враз нашел себе занятие после упоминания Костыля, лишь два-три верных дружка еще маячили рядышком, но и у тех энтузиазма хватало лишь на то, чтобы поедать незнакомца глазами любопытства ради.

– Садись, земля, – совсем уже ласково кивнул тот Дубку. – С кем не бывает. Я зла не держу.

Дубок еще колебался, но тоже заметно поостыл, и особой охоты валандаться на песке у него явно не наблюдалось.

– И вы располагайтесь, братва, – сплюнул в сторону Пашкиных дружков незнакомец. – Закуривай.

Это уже прозвучало приказом, но Дубок все же отвернул нос к речке.

– Может, дури хочешь? – прозвучал небрежный вопрос,

когда дружки разлеглись на песке и задымили папиросками у ног нового знакомого.

– Не плановой, – резко бросил через плечо Дубок и зло сплюнул в сторону дружков.

– Да хватит тебе. Не кипятись, – изловчившись и цепко схватив Пашку за руку, незнакомец силком свалил его рядом с собой на кучу песка. – При чем здесь плановой – не плановой?

– У него отец за дурь в тюрьгу сел, – высунулся услужливо один из дружков поглазастей.

– Заткнись, сопля! – рывкнул на него Дубок.

– То – другое дело, – повернулся к глазастому гость. – У меня дурь другая. Для себя держу. Легкая, как нектар. Кайф словишь – просить будешь всю жизнь.

– Не буду.

– Ну и ладненько, – набивая себе папироску, согласился с Пашкой гость. – А в тюрьге кто не был? Только легавые. Там народ хороший обитает. На воле не лучше.

– Скажешь тоже, – Дубок опять зло сплюнул на песок.

– Не веришь? – сняв очки, блаженно затынул папироской гость, впервые глянул на Пашку внимательней и протянул ему курево. – Дерни.

– Сказал же, не хочу, – отвел руку тот.

– Какой-то ты недоверчивый.

– При рождении уронили.

– Говорил мне Костыль про твоего отца...

– Че говорил?

– Не чекай. Намекал, что сговоримся.

– Ну так толкуй! Что за дело-то? – насторожился Пашка. –

Чего за нос водишь?

– Ты прямо ежик, братан, – хлопнул по плечу Дубка гость. – Ну да ладно, водичкой поливать будем, отойдешь. А нет – вон сколько воды-то кругом. Хватит на ежеиков, а?

Незнакомец растопырил хищные, прозрачные до костей белые пальцы, поднес к лицу ладонь и уставился сквозь пальцы на речку.

– Колючки у ежей-то расплзаются в воде. Когда их топят. Не слышал?

– Слышал.

– Вот и ладненько. Смекаешь, гляжу.

– Ты о деле-то? Что Костыль передавал?

– Вот. Уже меняешься на глазах. Это хорошо. Усваиваешь с лету, – похлопал гость Дубка по плечу. – Зови меня Сергеем Николаевичем. Если больше нравится – можешь просто Серегой. Я молодой еще.

Он совсем развеселился, снял кепчонку с головы, ловким кивком хулигански сбросил солнцезащитные очки в платок между ног. Вместо смеха закашлялся натужно, до выпученных глаз и вязкой слюны во рту, которую тягуче отплевывал.

– Че? – уставился Пашка на тощую грудь, татуированную церковными куполами и крестами. – Застудился? Или как?

– Для Костыля я Хрящ. Усек? – не отвечая, нагнулся Се-

рега к уху Дубка, подавив, наконец, кашель. – Погостить к вам приехал. Грудь вот подлечить на южном солнышке. Лечат у вас мою болезнь? Слыхал?

– Не знаю. Брешут всякое.

– Лечат. Только собак надо жрать. Пожирней, – и он хотнул зло. – Но я собак не любитель. Я по другой части.

Он перевел дух и опять потянулся к Дубку.

– На людях величай Сергеем Николаевичем. И шкетам скажи.

– А дело?

– А дел никаких. Сплошное лечение.

– Это как?

– А вот так, – откинулся совсем на кучу песка Серега. – Сомлел я тут совсем.

Он быстренько начал стаскивать с себя рубашку, но та не поддавалась, надо было подняться, освободиться от штанов.

– Ну-ка, братва, помогай! – глянул Серега на Пашкиных дружков, и те бросились наперегонки подымать под руки тощего с кучи песка, мигом сняли ему рубашку и застыли, ожидая дальнейших распоряжений.

– Развесьте вон там, – кивнул гость на ближайшие кусты и натянул кепчонку на голову, а очки на нос, закрыв поллица. – Пущай просохнет. Да найдите какую-нибудь посуду спину мне поливать водицей. Взопрел весь.

Дружки рванулись к речке. Когда они отделились, Серега лениво огляделся и глаза закрыл, успокоившись на солнце,

засопел, вроде засыпая, но длилось это недолго. Спать ему явно расхотелось, он снова устался на речку, словно впервые увидев ее и весь остров, пока не остановил взгляд на купающихся поодаль двух юнцов, явно не из Пашкиной компании. Один, ловкий и крепкий, стоял по пояс в воде, а второй раз за разом взбирался ему на широкие плечи и головой прыгал в воду. Получалось у них это впечатлительно еще и потому, что прыгун успевал крутануть красивое сальто. Эти трюки как раз и привлекли, по-видимому, внимание гостя, как, впрочем, и многих пацанов из Пашкиной компании, бросившихся к воде и окруживших прыгунов.

– Твои? – кивнул в их сторону гость.

– Не. Попцы.

– Чего?

– Ну, не совсем. Дразнят их так. Братья Мунехины, Донат и Игнашка.

– Во! Действительно поповское отродье! Имена-то какие!

– Это отец у них при церкви. И еще дворником.

– Дворником? Поп?

– Что-то делает там. Старосте помогает, а сам работает дворником. Недалеко от меня живут. Наши. Косинские.

– Косинские?

– Но они с нами не якшаются. Их отец порет, если увидит.

– Бугаев таких! Как он справляется?

– Послушные. Мисюрь им только крикнет, враз как миленькие бегут.

– Мисюрь? Что за имя? Еврей, что ли?

– А кто их знает. Давно живут. Вроде наши. Матери нет.

Умерла.

– Еврейское имя.

– Евреи, татары, персюки. У нас, знаешь, сколько этого народа. Вон пацан, гляди! Среди моих. Черный, как эфиоп.

– Ну?

– Персюк. А кто знает? Тимуром звать. Летом мы все здесь черные. От загара.

– Нет. Это не дело. Евреев надо гнать.

– А че?

– Жиды же! Не понимаешь?

– Ну и че?

– Дурило! Гоните их в шею!

– Да ладно, брось. Чего ты взялся? Пацаны как пацаны.

Простые. Крестятся только. И в драки не лезут.

– Жиды проклятые! Вонючки! Что про мать-то?

– Умерла давно. Задохнулась.

– Как это задохнулась? Притопла?

– Грудь чем-то придавило. Засыпало ее вроде.

– А звали ее как?

– Да откуда мне знать!

– Ты же сам сказал, что рядом живете.

– Ну и чего?

– Узнай все.

– Чего это?

– Узнай, говорю! Я повторять не люблю! А жидов гоните
взашей. Меня уже тошнит от их вида.

– Нормальные пацаны...

– Брось!

– И живут мирно...

– Считай, это второе мое поручение! – отрезал Серега и
дернул подбородком. – Еще делами интересуешься?

– Ну?

– Собирай своих и набейте морды этим жидам.

– А это зачем?

– Собирай дружков. Орава у тебя вон какая!

– Не сладят они с Донатом...

– Чего?

– Он один всю эту мелюзгу разгонит.

– Крепок бугай?

– Боятся его. Костыль, и тот не задевает.

– Сам иди!

Пашка отвернулся, опустил голову.

– А еще кто там? – сменив тему, ткнул рукой в сторону
братьев Серега. – Что за кукла?

Пашка повернулся. К резвившимся в воде Мунехиным с
городского берега реки подплывала девушка, стремительно,
по-мальчишечьи подгребая. Коснувшись дна, пловчиха вста-
ла на ноги, поднялась по пояс.

– Злата! – заулыбался Пашка. – Она всегда с ними.

– Сестра?

– Соседка их. Всегда втроем.

– Тоже жидовка?

– Дались тебе эти жида! Откуда мне знать? Рядом живут.

– Нет. Не еврейка, – засомневался тем временем Серега. –

Волос белый. Блондинка. И лицо наше, русское.

– У Златки мать тоже в церкви обитает, – Пашка не сводил с девушки восторженных глаз. – Вот они и водятся вместе.

– Водятся – заводятся, – передразнил его Серега. – Глаза у нее какие?

– Чего?

– Какого цвета глаза, спрашиваю?

– А мне откуда знать? – раскрыл рот Пашка. – Кажись, голубые?

– Если голубые, значит, наша.

– Как это наша?

– Русская, – сплюнул Серега от досады. – Слушай, Дубок, теперь я догадываюсь, почему тебе кликуху такую дали.

– Чего?

– Проехали! – опять дернулся, покраснев лицом, Серега. – Ну? Соберешь свою кодлу на жидов?

– Да они вон, уплывают, – Пашка ткнул рукой в сторону братьев.

Действительно, после короткого разговора с девушкой братья бросились в воду и заторопились на другую сторону речки; белоголовая, не уступая, поспешила за ними.

– Отец, видать, кличет, – проводил их взглядом Пашка. –

Ишь, Златку прислал.

– Отец, говоришь?

– Так просто их не сманить.

– Ты вот что, Дубок...

– Ну?

– Мне срочно лодку надо! На тот берег.

– Где ж ее найти!

– Срочно! – исказилось в злобе лицо Сереги. – И ты со мной поедешь!

Чудеса, тайны и ужасы

Нет, все-таки чудно устроен мир! И по каким правилам и понятиям вертится колесо судьбы, не известно никому. Даже неоспоримому специалисту в области догадок и интуиции, а по-научному дедуктивного метода, прокурору-криминалисту Владимиру Шаламову, который сейчас нещадно ломал голову, шагая рядом с Ковшовым.

Сегодня вечером столкнулись они лбами. И где? Подумать только! В детском садике! Забирая последними своих бедных заждавшихся детишек-бегемотиков! И сюда оба попали, можно сказать, не кривя душой, единственный раз за несколько месяцев.

Брать детей из садика самим никогда не приходилось по причине вечной занятости. У Данилы для этого была Очаровашка, а у него, естественно, Татьяна, благо ей ближе с ра-

боты.

Шаламов глянул на Ковшова, тот – на него. Не стовариваясь, поняли – каждый думал об этом исключительном событии в их жизни. А раз исключительном...

Спеша в детсад поодиночке, отметили еще загодя пивную бочку у продмага и весело зазывающую народ продавщицу Нюру в белом передничке. Каждый загадал, что неплохо бы успеть принять кружечку, когда будет возвращаться.

Но не тут-то было. Судьба-индейка угодила приятелям другое, коварное продолжение...

Впереди, куда, их обогнав, убежала детвора: Родька с громыхающим на веревочке самосвалом и Светка, загрузившая в кузов свою любимую куклу, – маячил, замутив душу тревогой, «уазик» защитного цвета. Знакомый теперь уже, когда пригляделись, до тошноты. Шофер-сержант курил сосредоточенно в сторонке, но поблизости. И майор госбезопасности Серков в «гражданке» сидел на переднем сиденье с открытой дверцей.

– Приплыли, – сказал Данила, печально кивнув на «уазик». – Не иначе меня или тебя пасут.

– Или обоих.

– И кто же их послал на наши головы?

– Их учить не надо.

– Колосухин, небось?

– У него и у дежурного телефоны, – совсем заскучал Шаламов, косясь на пивную бочку. – Может, все же проскочим?

Короткими перебежками.

До бочки было рукой подать. Уже ласково улыбалась им обоим чистюля Нюрочка. Но до «уазика» было ближе.

Майора Серкова учить не надо, он умело занял позицию. Мимо него проскочить невозможно и зайцу. Известна бдительность чекистов. Они ловки на эти штучки. Сержант, присев на корточки, уже обсуждал с Родькой преимущества резины перед железными колесами красного самосвала, а Светка смеялась на руках у майора Серкова, разворачивающего ей шоколадку «Аленка», неизвестно откуда взявшуюся.

– Вот бандюги! – не сдержался Шаламов. – На дикой козе их не обскакать.

– Пустое дело, – смирился и Ковшов. – Может, лучше пригласим и их по кружке? Рабочий день как-никак закончился давно. А завтра выходной.

– У них-то? – не проявил оптимизма Шаламов и совсем обреченно добавил: – Счастливые часов не наблюдают.

– А я голову-то ломал...

– Приветствую вас, друзья! – издалека озарил их белозубой улыбкой майор, бережно опуская Светку на землю, и двинулся навстречу, протягивая руку. – Как живы-здоровы?

– Вашими молитвами, – буркнул Шаламов.

– Прекрасно, – не слушая ответа, не останавливаясь Серков. – Сегодня весь день палило. А выглядите оба, как из бассейна. Свежи и бодры.

– Прокуратура заботится о своих кадрах, – в тон задушевному майору ответил Ковшов. – Не нас стережете, Валентин Степанович?

– В самую точку, Данила Павлович, – озарился радостью Серков. – В самую точку.

– Стыда у вас нет, – щелкнув зажигалкой, закурил Шаламов. – Люди, можно сказать, отпахали за отчизну и его величество закон, истерзаны муками неусыпного бдения за злобствующим криминалом...

– Как?

– А их ловят, как шпану какую-то на углу...

– У пивной, так сказать, бочки, – закончил за приятеля Данила.

– Ни в коем разе, – отступился майор. – В такую жару пивка не грех. Я бы и сам...

– Что? – вспыхнул не хуже огонька своей сигареты Шаламов.

– Тем более ехать через весь город. Выдохнется все за пятнадцать минут, – не моргнув глазом, обнадежил майор.

– Серьезное что-нибудь? – меняя тон, спросил Ковшов.

– Труп.

– Какой еще труп? – недоверчиво поднял глаза Шаламов. – Откуда у чекистов трупы? Вы же все за живыми шпионами гоняетесь?

– Убийство, Владимир Михайлович.

– А вы здесь при чем?

– Объясню, простите, все по дороге.

– Погоди, майор, а детишки? – спохватился Шаламов. – Я Светку куда дену? Да и следственный портфель в кабинете!

– Мы уже позаботились, – Серков оглянулся назад, дожидаясь кого-то, – а в облпрокуратуру заедем за всем необходимым. Кстати, Колосухин просил ему позвонить, Данила Павлович. Как возможность появится.

Очаровашка, как он и догадывался, уже подбегала к ним.

– Вот и Валентина... Николаевна, – затянул майор. – Скорая вы на ногу. Я позвонил из автомата. Только что. Рядом проживаете?

– А Светка как же? – не унимался Шаламов.

– Я отвезу, Володь, – задохнувшись от бега, ткнулась Даниле в плечо Очаровашка. – Сейчас вот Родьку соседке сдам. И к Татьяне махну. На автобусе.

– Вот забота так забота, – развел руки обескураженный, но довольный Серков, – настоящая жена прокурора. Спасибо, Валечка.

– Ну что вы, – еще сильнее прижалась к Даниле Очаровашка. – А что случилось, Дань?

– У нас вечно: то понос, то взрыв атомной бомбы. Пока разберемся, – буркнул Шаламов и щелчком отбросил докуренную сигарету.

– Чего, чего? – не понял Серков.

– Да так. Ностальгия, – полез Шаламов на заднее сиденье «уазика».

Чмокнув Очаровашку в щеку и взъерошив волосы на голове сынишке, последовал за ним и Ковшов.

– К вам, в аппарат? – лишь только тронулся автомобиль с места, зашепшил майор.

– Туда, – кивнул Ковшов, – Колосухина-то уже дома словили?

– Нет, – обернулся тот и развернулся к ним, – Виктор Антонович еще на месте был, но уходил.

– Что же стряслось-то? – Шаламов задымил вторую сигарету.

– Чепе, Владимир Михайлович. Совершеннейшее чепе!

– Я же угадал, атомный взрыв, – не сдержался Шаламов. – И все-таки?..

– Резонанс может быть непредсказуемый.

– А без эмоций? – остановил майора Ковшов.

– Поподробнее? – тот скосил глаза на сержанта за рулем.

– Насколько можно.

– Тогда сначала. Введу, так сказать, вас обоих в курс дела.

Но Виктору Антоновичу я уже докладывал.

– Он трупом заниматься не будет, – напомнил Серкову Шаламов и хмыкнул. – Судмедэксперта-то предупредили, куда выезжать?

– Я решил этот вопрос, Данила Павлович, оставить на ваше усмотрение.

– Сейчас определимся по ходу вашего рассказа.

– Рассказа? Да-да. Конечно... – майор постепенно успо-

каивался. – Так вот, с месяц назад по поручению сверху мы начали разработку задания. Нам сообщили, что участились ограбления мест отправления религиозных культов. Надо было проанализировать ситуацию на местах.

– Церквей, что ли? – подал голос Шаламов.

– Кражи в храмах, склепах и даже надругательства в кладбищенских часовнях, – кивнул Серков. – Были случаи значительных хищений в известных церквях столицы, Ленинграда, Киева...

– Но этим же милиция занимается? – не унимался Шаламов. – Их подследственность.

– Начальству, как говорится, виднее, – пожал плечами Серков. – В поручении предлагалось отследить динамику за пять лет, а дела и отказники³ за последние два-три года даже посмотреть.

– А вот этим занимается прокуратура, – опять вставил Шаламов. – Наверху у вас не знают, что ли?

– Мы не в порядке надзора, Данила Павлович, – нашел в зеркале глаза Ковшова майор, не глянув на его дотошного приятеля. – А сами понимаете, в качестве... ознакомления. Кстати, должен сказать, некоторые выводы дознавателей милиции, мягко выражаясь, не выдерживают критики. Но это, как здесь замечено, ваше дело...

³ Отказник (разг.) – материал милицейской проверки сообщения или заявления о совершенном преступлении, происшествии, когда органом дознания или следствия отказывается в возбуждении уголовного дела в соответствии с нормами УПК РСФСР.

– Менты особенно не церемонятся с мелочевкой, – Шаламов выбросил в открытое окошко окурок. – И подсочинить они мастера.

– Я бы не назвал это мелочевкой. Встретились факты не только курьезные, как говорится, – не согласился Серков, – но и серьезные.

– Это что же за факты? – заинтересовался Ковшов.

– Я о свежих, прошлогоднее, думаю, не стоит ворошить? Ковшов неопределенно качнул головой.

– В Покровах имели место несколько краж старинных предметов культа. Все в ночное время совершены. Со взломом.

– Что стащили-то? – заерзал на сиденье Шаламов.

– Серебряную утварь. Евангелие, несколько штук, в древних серебряных окладах, потиры такие же, крестики семнадцатого века.

– Чудеса! Неужели попики сами такое добро не растащили? – не удержался Шаламов.

– У меня есть сведения, что пропали вместе с ценностями и некоторые церковные книги из библиотеки самого архиепископа Афанасия.

– А это еще кто такой? – Шаламов посерьезнел.

– Был такой руководитель у наших церковнослужителей. Умер давно. Славился особым интересом к чтению. Рассказывают легенды, будто он книги больше денег ценил.

Ковшов с Шаламовым переглянулись.

– И мы читаем, – только и сказал Шаламов.

– Ну конечно. После революции все книги были реквизи-
рованы.

– Экспроприация экспроприаторов, – сморщился Шала-
мов.

– В нашу центральную библиотеку сдали. В спецхраны,
как культурную ценность. В среде библиофилов они многих
денег стоят. Состояние, можно сказать.

– А те? Что, украли?

– А те, видно, припрятали. Теперь все ворам досталось.

– Вот на этом жулье и попадетсЯ, – уверенно вставил Ша-
ламов.

– Мы отслеживаем сейчас на черных рынках, на книжных
развалах, в антикварных лавках. Но пока ничего. И знаете,
Данила Павлович, мне кажется, появилась интересная вер-
сия.

– Так, так!

– Не простые воры в Покровах были.

– Похоже.

– Тем книжки не нужны. Тем более старинные, греческие
да еврейские.

– А эти откуда?

– Так архиепископ тот несколькими языками владел, сво-
бодно читал и сам писал. С дюжину иностранных языков
знал. И книги такие же собирал.

– Полиглот, а не поп! – восхитился Шаламов.

– Вот мы и сообщили в центр, что у нас, вполне возможно, появились интеллектуальные жулики. Не уголовники, а, так сказать, интеллигенты. Центр как раз этим интересовался.

– И здесь, значит, мы – на белом коне, – не сдержался Шаламов.

– Не понял, Владимир Михайлович?

– Так. Ностальгия, – буркнул тот.

– А что же милиция? – вмешался Ковшов.

– Да, милиция, – вернулся к началу майор. – Отказал дознаватель райотдела по всем фактам хищения.

– Как?

– За отсутствием события преступления. А в пропаже обвинил церковнослужителей.

– Ну, это!.. – вырвалось у Ковшова.

– Бардак, – просто завершил Шаламов. – Узнаю родную и сообразительную. Они мастаки в таких делишках. Не раскрыли ничего, а всяки кому нужны? Вот и сочиняют с потолка.

– А, это уж проблемы вашего ведомства. – Майор, ловко сориентировавшись на местности, бросил шоферу: – Сашок, давай к Морскому садику.

– Надо все эти дела и материалы нам посмотреть, Валентин Степанович, – покачал головой Ковшов. – Поотменять постановления к чертовой матери!

– Я их вам направлю, Данила Павлович, мы уже закончили с ними работать. Лежат стопочкой, дожидаются.

– А убийство-то при чем? – Шаламов задымил новой сигаретой.

– Убийство? – Серков задумался на некоторое время. – Убийство это как снег на голову! Наверное, это отдельный разговор, Данила Павлович?

– В общих чертах, в общих чертах... Своими, так сказать, соображениями поделитесь.

– Версии есть какие? – закашлялся Шаламов.

– Михалыч, ты бы бросил дымить, – посоветовал ему Данила. – Подымается уже наша машина от дыма. Взлетим того и гляди.

– Быстрей домчимся, – хмыкнул Шаламов, но сигарету в окно все же выбросил. – Так версии есть?

– Версии? – обернулся к ним Серков. – Сегодня в склепе при храме нашим сотрудником... во время проведения оперативных мероприятий обнаружен труп церковнослужителя...

– Кого? Попроще нельзя? – Шаламов наклонился к Серкову.

– Монаха или послушника, – уточнил Серков. – Сами еще не знаем. Суматоха там, в церкви. Волошин, наш опер, похоже, задержал подозреваемого, но оставить его одного не может. И поручить некому. Послал первого встречного, чтобы тот сообщил мне о происшествии. Никакой цельной информации, естественно, нет. Марасев принял решение: без прокуратуры не выезжать. Вот и мыкаемся уже с час-полтора –

то к Колосухину, то вот за вами...

– А послушник?..

– Послушник, по их понятиям, это верующий, проходящий экзамен на попа! – повысил голос майор, уже не сдерживаясь.

– Ну, а почему сразу убийство? – допытывал неугомонный Шаламов.

– Нож в спине! Ножевое ранение!

– Во как... Да, не попляшешь...

– Не до плясок!

– Понятное дело. А сотрудник ваш не вора поджидал?

– Вроде того, Владимир Михайлович, вроде того. – Серкову, чувствовалось, надоели колкости и въедливость Шаламова, и он обратился к Ковшову: – Вот и подъехали. Подышим воздухом, Данила Павлович, пока Владимир Михайлович сбегает за своим кримчемоданом.

– А почему нет? – согласился Ковшов. – Мы с вами к дежурному пройдем. Мне же Колосухину позвонить надо, сами говорили.

– Точно, – обрадовался Серков и первым выскочил из машины, остановившейся у ворот прокуратуры области.

Когда они поднялись на второй этаж и Ковшов начал накручивать диск телефона, майор выпроводил дежурившую старушку в коридор и с мрачной физиономией быстро вернулся назад.

– Данила Павлович, в интересах дела должен поделиться

с вами одной деликатной закавыкой.

– Конечно, конечно.

– Лейтенант Волошин, обнаруживший труп, как я уже докладывал, действовал в рамках операции...

– Это я понял.

– Мы разрабатывали этого попа, как выразился Шаламов.

– Убитого?

– Именно. Были подозрения о его причастности к банде, занимавшейся грабежами. Или он интригу какую с ворами затевал?..

– Даже так?

– Но это пока версия. Церковнослужитель этот определенно якшался с каким-то темным элементом... Замечались за ним странности. А тут, похоже, должен был с кем-то из них встретиться. Что-то передать или, наоборот, получить.

– В склепе?

– Ну да, в церкви, в склепе... Где получится. Нам оставалось догадки только строить.

– А цель?

– У нас пока по этому поводу одни инсинуации, – хмыкнул Серков. – Но на... попа этого подозрения были. И на тебе! Его и грохнули...

– А после убийства подозрения, значит, исчезли?

– Кто его знает.

– Тогда в чем дело?

– Дело будет вести прокуратура. Как я понял, скорее всего Колосухин поручит его Шаламову или кому-нибудь из старших следователей аппарата. Во всяком случае Марасев будет ходатайствовать об этом перед Игорушкиным.

– Ну так и ходатайств никаких не надо. Дело наше. А с учетом того, что ваш сотрудник еще и важный свидетель...

– И я к этому клоню, Данила Павлович.

– Вы о чем?

– Мой сотрудник замешан. В некотором роде...

– Разберемся, Валентин Степанович. Кстати, с вашей, надеюсь, помощью.

– Об этом и прошу. За Волошина я ручаюсь. Молодой, но исключительно перспективный опер. Честный парнишка.

– Разве я высказал повод для сомнений?

– Задержанный молчит. Дал понять Волошину, что без священника церкви говорить ничего не будет.

– Известная позиция.

– Дело в другом. Там суматоха большая.

– Где? В церкви?

– Ну, конечно. Церковники епископом своим главным грозятся. Его сейчас переполошат. А он такой конфликтный, по пустякам в Москву жалуется, к самому патриарху вхож.

– Вот как?

– Бывало всякое. На собственной шкуре убедился. Этим же уполномоченный специальный должен заниматься? По вопросам религии? Вот и разодрались они между собой.

Епископ на нашего уполномоченного в Москву пожаловался. Не сам, конечно. Верующих подговорили. Те в столицу мотались с челобитной! Шум подняли!

– Поделом?

– Кое-что подтвердилось.

– Значит, прав был епископ!

– Да прав, прав. Но к чему шум-то подымать!

– А вам-то за что досталось?

– А нас везде!.. – вырвалось вгорячах у майора, но он вовремя сдержался и закончил потише. – Мы же глаза и уши.

– Тогда понятно, – пожал плечами Ковшов. – Однако окажись вы в их ситуации?..

– Ну, то, как говорится, миновало. Я боюсь, и здесь грома нам не избежать.

– Надо полагать.

– Чует мой нос бурю.

– Я фаталист, Валентин Степанович.

– Следователя бы помудрей, – вернулся майор к своим заботам. – Сейчас же с Колосухиным будете говорить.

– Есть конкретные кандидатуры?

– Шаламова бы?..

– А в машине он вам докучал?

– Пустяки. Мужик он крепкий, а то попадет какой-нибудь, начнет тягомотину.

– Исключено. На контроль возьмем.

– Да знаю я этот контроль! – в сердцах сказал Серков и

тут же поправился. – Все, конечно, так. Но Шаламов все же криминалист, и опыт у него...

– Хорошо, буду просить, – кивнул после некоторого раздумья Данила. – А вот потому, что он криминалист, Колодухин и будет против. Игорушкин запретил конкретные уголовные дела криминалисту поручать. Ему областью заниматься некогда. Его задача следователям в районах помогать. Висяки раскручивать бородатые.

– Одно дело-то можно...

– А вы знаете, сколько нераскрытых убийств в области, Валентин Степанович?

– Ну, сводки читаем... Но такого, чтобы священника убили, еще не было, Данила Павлович.

– Такого нет, – и Ковшов смолк, услышав, наконец, что вызываемый им абонент освободился; до этого пипикали короткие гудки в трубке – заместитель прокурора области с кем-то разговаривал.

Когда они спускались вниз, майор, все время поглядывающий на Ковшова, не выдержал, спросил:

– Ну как?

– Игорушкина на месте нет. Занят другими вопросами. Поедем на место этим составом. Старших следователей и важняков пока беспокоить не будем, районных тоже.

– Уже кое-что, – посветлел майор. – А вот и Владимир Михайлович нас поджидает.

Шаламов покуривал возле «уазика», о чем-то мирно беседуя с шофером.

– Вперед и с песней? – кивнул Ковшов приятелю.

– Получил ценные указания? – не упустил момента подколодь его тот, занимая прежнее место в машине.

– Виктор Антонович распорядился больше никого не брать.

– А районников?

– Обойдемся.

– Значит, расхлебывать нам до конца?

– Начальство решит потом. Игорушкина на месте нет.

– Знамо дело, нам.

– А мы на что, Владимир Михайлович? – заулыбался Серков, обернувшись, и кивнул шоферу. – Гони, Сашок, к храму.

– От вас пользы, как от козла молока, – нахмурился Шаламов. – Неделю побегаете, а там сгинете. Знаю я оперов.

– Обижаете, Владимир Михайлович. За милицией, может, и водятся такие грешки, а мои орлы не подведут. Пока все точки не расставим...

– Ладно. Ловлю на слове. Вашими молитвами...

Ковшов не мешал их «объяснениям в любви», размышляя над услышанным от заместителя прокурора области, хотя Колосухин и был, как обычно, лаконичен. Озадачивала неординарность ситуации. Выходило, что они еще до трупа не добрались, а высшие лица области уже все на уши постав-

лены. Генерал Комитета Марасев доложил Боронину в обком партии, Торину в облисполком и в прокуратуру. Событие действительно чрезвычайное. Даже из того, что поведал майор, видно невооруженным глазом. Но все ли он поведал? Гэбэшники не могут без секретов. Своих тайн они не открывают никому. Однако самое неудовлетворительное было то, что на месте происшествия, кроме опера Волошина, никто еще не был. Даже они, которым поручалось это сделать, не знали толком ничего. Объективности никакой, а наверху уже все известно...

– Вот мы и на месте, – вернул Ковшова на грешную землю Серков. – Приехали, Данила Павлович. Вы что-то задумались?

– Тихо, однако, – подал голос и Шаламов. – А вы, товарищ майор, о какой-то суматохе беспокоились?

– Прекрасно, если я ошибаюсь, – тревожно оглядывал церковь и прилегающие служивые строения Серков. – Странно, но и празднующейся публики не видать...

– Какой, какой публики? – разинул рот Шаламов от неожиданной тирады майора.

– Шляющейся! – в сердцах бросил тот. – Нам бы теперь побыстрее лейтенанта Волошина отыскать!

Он не договорил. Из дверей храма торопливо вышел высокий сутулый человек в черной рясе и, колпаком на голове, поклонился приехавшим и, выбрав Серкова, соскочившего с переднего сиденья, двинулся к нему навстречу, внятно про-

изнес, не поднимая головы:

– Доброго здравия вам, люди державные⁴.

Приехавшие закивали в ответ.

Следом за служителем церкви на пороге появилась статная фигура второго. Этот крепок, дороден телом и обличем, в два-три раза толще первого, хотя и ниже ростом. Одет гораздо величавее, впечатлял выпуклыми глазами, заметными даже в больших роговых очках, длинным волосом и окладистой седеющей книзу бородой. На груди его возлежал отливающий благородным серебром увесистый крест с распятием.

– Отец Никон, – представил суетливо, еще более ссутулившись, первый. Хотел что-то добавить, но, взглянув на величавого, только и смог сказать: – Священник храма...

И отодвинулся за спину главного.

– Здравствуйте... батюшка, – за всех троих выдвинулся к священнику майор Серков, – это работники областной прокуратуры.

Он отвел руку, указывая на переминающихся с ноги на ногу Ковшова и Шаламова, и умолк: видно, запас красноречия и опыт общения с такой аудиторией у него иссяк. Священник почтительно склонил голову в сторону прокурорских и тоже едва кивнул.

– Здравствуйте! – вразнобой сказали Ковшов и Шаламов; получалось совсем как-то несуразно, но ни тот, ни другой

⁴ От слова «держава» – сила, власть (согласно церковнославянскому языку).

никак не могли найти нужной манеры поведения с церковнослужителями, как их именовал майор Серков.

– Здесь у вас наш товарищ, – как к глухому, обратился майор к священнику. – Нам бы к нему?..

– Благословляю, – не дождавшись продолжения от майора, отец Никон поднял руку к груди, помедлил, раздумывая, выражение величавости на его лице разгладилось, обнажив личность, отягощенную своей, ему одному известной тревогой земного человека; он пригласил рукой ко входу в церковь и произнес: – Пожалуйста в Божий храм.

И сам, развернувшись и перекрестившись, пожаловал первым. Майор и Ковшов с Шаламовым двинулись было за ним, но их ловко обогнал и забежал за спину священника встречавший, еще больше сутулясь и неистово крестясь. На ходу он бросил приехавшим:

– Товарищ ваш зело чаяти.

– Что он сказал? – как к переводчику, сунулся Шаламов к майору.

– «Зело» со старославянского означает «очень», – поразмыслил Ковшов, – а второе слово не знаю. Скорее всего, заждался нас лейтенант.

– Так и есть, – добавил Серков. – Сколько времени прошло-то! Заждешься тут с ними. Видишь, как принимают!

– А ты хлеб да соль хотел, Валентин Степанович?

– Ну... – не нашелся ничего ответить Шаламову Серков. – Не понимают, наверное, кто к ним приехал.

Они уже вошли в церковь и сразу притихли.

Священник остановился перед иконостасом, перекрестился почтительно несколько раз. То же, только поспешнее, проделал и его сутулый служитель. Толстый двинулся вперед через весь храм в дальний темный угол. Ковшов, натываясь на Серкова, оглядывался исподтишка по сторонам. Сзади, так же неловко озираясь, наступал ему на пятки Шаламов, тяжело пыхтя, боясь отстать. Отовсюду за молчаливой процессией и в особенности за незнакомой троицей поглядывали настороженные глаза с темных, посверкивающих в свечах позолотой, икон.

– Михалыч, держи интервал, – не выдержал и шепнул Шаламову Данила, когда приятель в очередной раз ткнулся в его спину. – Ноги все отдал.

– Не видно ничего со света, – пожаловался тот. – Свечи только коптят. И еще эти! Допекают!

– Кто? – не понял Ковшов.

– Со стен. Не видишь, что ли?

– Первый раз в церкви-то?

– Как будто ты здесь частый гость?!

Темный угол, куда они проследовали, оказалось, имел узкий, низкий и еще более темный вход, вернее, туннель или длинный коридор, который несколько раз поворачивал, при этом пол заметно уходил вниз, пока не завершился десятую каменными ступеньками, упершимися в окованную железными полосами дверь с массивным старинным металличе-

ским кольцом. Если в редкие, маленькие, замазанные грязью и пылью оконца сверху, с боковых стен, когда шли, путь указывал тусклый свет, протискивающийся сквозь решетки, то в тупике у двери он совсем померк. Тошнотворно запахло сыростью и еще чем-то неприятным и неживым.

– В преисподнюю завел монах, – наткнувшись опять на Ковшова,дохнул в ухо Шаламов.

Ковшов промолчал, только поежился, Серков передернул плечами, словно что-то тяжелое сбрасывая с себя.

– Мне как-то приводилось однажды, – обернувшись, тихо сказал он. – Насмотрелся...

– Это где же? – Шаламов совсем прилип к Ковшову.

– В семьдесят третьем. Археологи в Успенском соборе раскопки производили. Насмотрелся там всякого.

– Кого раскапывали-то?

– Останки архиерейских захоронений. Аж с шестнадцатого века!

Впереди священник возился с кольцом, пытаясь отворить дверь. Ему помогал служивый.

– Где Волошин-то? – не выдержал майор.

– Вот, зрите! – зычно, видимо, услышав Серкова, провозгласил отец Никон, распахивая, наконец, непослушную дверь. – Ваш детина?

Перед сгоравшими от нетерпения и неизвестности глазами Серкова, Ковшова и Шаламова предстала мрачная усыпальница с тремя гробницами, уставленная горящими све-

чами. Дальний дневной свет, проникающий из еще одной открытой в противоположном конце склепа маленькой двери, позволял различить две фигуры, вскочившие на ноги с одной из гробниц при их появлении. Колыхнул в лица сквозняк. Дальняя дверь скрипнула жалобно и с грохотом захлопнулась. Свечи разом потухли. Мрачная тишина навалилась на всех.

– Отворите дверь, негодники! – огласил подземелье бас отца Никона. – Заклепы не поставили, бестолочи! Зреть нельзя!

Кому адресованы были слова возмущения и гнев попа, можно было только догадываться, но в темноте что-то задвигалось, заворочалось, заскрежетало, и по мере завершившихся звуков скрежета усыпальница замерцала тусклым дневным светом. Перепуганный служка бегал, зажигая одну свечу за другой и ставя их на гробницы. Серков рванулся вперед.

– Волошин! – окликнул он одну из фигур, поднявшуюся с гробницы. – Лейтенант! Жив, здоров?

– Так точно, товарищ майор! – отчеканил Волошин, а Ковшову бросилось в глаза осунувшееся лицо молодого парня в темном длинном, почти до пят, плаще.

– Разрешите доложить, товарищ майор? – лейтенант бодро вытянулся перед Серковым.

– Погоди. Это кто с тобой?

– Это?.. Подозреваемый.

– Подозреваемый?

– Задержанный.

– Данила Павлович, – обернулся Серков к Ковшову. – Как поступим?

Ковшов отыскал глазами священника, заметив, как снова спрятался за его спину служка, покончив со свечами; попробовал разглядеть неизвестного, поднявшегося с гробницы вместе с Волошиным, но тот, кутаясь в одеждах, намеренно или обескураженно прятал лицо от света.

– Отец Никон! – кашлянув, проверяя голос, обратился Ковшов к священнику.

– Речи, служивый, – кивнул тот.

– Отец Никон, позвольте, покамест здесь... на месте... определить нам с некоторыми обстоятельствами?

Священник раздумывал, молчал.

– Сесть только негде. Но, думаю, это не обременит? – добавил Данила.

– За этим и пожаловали, – величаво и укоризненно наконец возгласил священник. – Мне блюсти в храме Божьем велено. Затем владыке нашему Илариону поведать. Понеже любые поругания и поношения знать надоти.

– Согласен он, – повернулся Серков к Ковшову, задумавшемуся над услышанным. – Страшает только, мол, жаловаться будет начальству своему.

– Пусть докладывает, – кивнул Ковшов лейтенанту.

– Согласно заданию... – начал было Волошин.

– Это можно пропустить, – одернул его майор.

– ...встреча отца Ефимия...

– Отца Ефимия? – спросил священник, сверкнув глазами. – Где он?

– Отца Ефимия... – недоуменно глянув на священника, подтвердил Волошин и повернулся опять к майору.

– Продолжай, продолжай, – Серков жестом руки попросил священника не перебивать и добавил: – и покороче.

– Одним словом, встреча их состоялась... – совсем сбиваясь, запнулся лейтенант, – с устанавливаемым нами лицом, наверное, здесь.

– Почему наверное?

– А его тут же и убили, – коротко закончил лейтенант, моргнул и добавил: – По моим наблюдениям.

– Отца Ефимия умертвили?! – бас священника потряс воздух усыпальницы так, что свечи, разом колыхнувшись, едва не погасли; или это опять потянуло шальным сквозняком. – За что? Кто?

– Тише, тише, – Серков уже сделал шаг к священнику. – Спокойнее, отец Никон.

– Смертоубийство в храме! – резало слух.

– Данила Павлович, в такой обстановке мы вряд ли чего выясним.

Священник затих, лишь крестился неистово, за его спиной молился служка.

– Волошин! – Ковшов приблизился к оперативнику. – Вы

все своими словами расскажите нам. Не спешите. И не волнуйтесь. Как получится. Короче, длиннее, как получится. Я слушаю.

И Волошин, не отводя от Ковшова глаз, тихо, запинаясь, начал говорить. Как проследовал за отцом Ефимием в склеп, как дождался, пока тот остался один, как увидел подопечного падающим с ножом в спине, как принял решение остаться дожидаться убийцу и как сам убийцу схватил, когда тот к нему подкрался сзади в темноте...

– Этот? – подступил Серков к бессильно опустившемуся опять на гробницу незнакомцу, скрывающему лицо.

Волошин утвердительно кивнул головой.

– Так это послушник наш, Михайло! – вскричал отец Никон. – Я его сам в поиски послал за отцом Ефимием. Канул тот безвестно.

– Куда канул? – не понял Серков.

– Запропастился. Владыка видеть его пожелал.

– Самому владыке понадобился! А что же он у вас тут делал? – зашпешил по горячему следу майор.

– Ключарь Савелий! – обратился священник к своему службе.

– Трудников и послушников водил Ефимий в усыпальницу, батюшка. Ведомо вам, ремонт затеян был, – выступил из-за спины священника сутулый ключарь, крестясь. – Сыплются временем могилы.

– Вот, – священник притопнул в такт себе ногой. – Слы-

шали?

– Та-ак... – пошел вокруг гробниц майор, стуча ногами и явно отыскивая приметы времени на камнях. – Сметая пыль с могильных плит, значит?

– Чего это он? – толкнул Шаламов Ковшова локтем. – Не свихнулся?

– Не видать что-то разрушений, – покачивал майор головой, подозрительно косясь на служку.

Ключарь счел правильным снова укрыться за широкой спиной священника.

– Где труп-то? – спросил Шаламов, не глядя на лейтенанта.

– Да, а труп? – замер на месте майор Серков.

Отец Никон в недоумении и возмущении развел руки, не находя слов.

– Я же его в нишу спрятал, – вспомнил Волошин. – А на его место лег сам. Чтoб этого!..

Он резанул взглядом по послушнику Михаилу.

– Поглядим, поглядим, – заторопился майор.

– Вот, – Волошин огляделся вокруг, уверенно зашагал в сторону самой маленькой гробницы, заглянул за нее. – Темно тут. Свечу бы. Здесь ниша, товарищ майор.

Но сзади, опережая майора, уже спешили со свечками Ковшов и Шаламов.

– Глубока, окаянная, – пыхтел Шаламов, заглядывая вниз. – Не видать дна-то. Давайте еще огня!

Три головы склонились над ямой. Три свечи замигали трепетными язычками пламени. На дне никого не было. Ветровая почерневшая плита дохнула им снизу в лица зловещим холодом.

Легат и его легионеры

Легат⁵ забыл, когда гневался, когда последний раз метал громы и молнии, даже когда нервничал и выходил из себя. Врачи предупредили, что все эмоции теперь ему вредны. Может случиться непоправимое. И он страшился приговора.

О том, что действительно жить ему осталось мало, напоминали дряхлеющее тело, пропадающие желания, стынувшая страсть. Прошлое порой вспыхивало искрой в глазах, но только на мгновение, и снова западало в черноту провалившихся зрачков. Или приближающаяся смерть так пугала?..

Едва выкарабкавшись с больничной койки, зализывая раны после очередной тяжелой операции, он совсем плохо ходил, говорил тихо, с придыханием, через силу вникал в окружающее – давили швы расплоскованной грудины. Но главная мысль, сверлившая его до лечебки, не покидавшая в больничной койке, уже завладела его сознанием, мучила в бессонные суточные бдения и заставляла выбираться из тяжелой пропасти мрачного забытья.

Найден след дружков Игнатия Стеллецкого! Сверкнула

⁵ Легат – командир легиона в Древнем Риме.

наконец-то удача! Согрела холодеющую душу!

Именно сейчас, когда он ясно сознавал, как мало ему оставалось видеть белый свет, что дни его сочтены, а врачи проклятушие врут, даря никчемные обещания, именно теперь, заново зародившись, сжигала его надежда схватить, наконец, ускользающую судьбу за хвост. До нее как никогда близко! Только жить!.. Только набраться сил!.. Протянуть руку!..

Несколько десятков лет рыскал сам, нещадно людей своих гонял по всей стране при малейшем сигнале, да что там сигнале! При малейшей, мизерной надежде отыскать след исчезнувших после смерти Игнатия Стеллецкого его последователей и помощников, след сподвижников и учеников хитрющего Игната, великого археолога, вечного соперника Лёгата, унесшего с собой в могилу многие секреты и тайны. Тот заветное глубоко схоронил, будто в собственной усыпальнице спрятал, а следы учеников его и сподвижников замело метлой беспощадного времени, и с каждым годом горы песка забвения угрожающе росли все выше и выше.

И вдруг сверкнула удача! И где?! На самой окраине России! Там, в пожираемых солнцем пустынях, в каспийских песках, в провинциальном городке на Волге схоронился кто-то из приспешников Стеллецкого. Конечно, не только спрятаться умудрились эти люди, на большие дела отправились в глушь, в глубинку! Клады в подземельях промышлять!

Но это только догадки. Сама информация, поступавшая с

Волги, поверхностная, худосочная. Источник тоже особого доверия не вызывал. Сколько раз уже ошибался, обманывались и его сыскари. Как ужаленные срывались с места, бросали столицу, летели сломя голову за любой весточкой. А схватывали пшик!..

Когда Дантист сообщил эту чудную весть, он, давно потерявший всякую надежду, готовился к операции. Не поверил. Подумал, зажмурившись от предчувствия, что подбодрить его желает старый приятель. Но сразу защемила тоска – а если и впрямь удача свалилась? А он загнется под скальпелем? Все мечты, все ценности, сокровища несметные, на поиски которых всю жизнь, считай, отдал, Дантисту достанутся?! Не бывать тому! И сразу загадал: выживу – сам поеду проверить. Но до последнего косился на Дантиста – не опередит ли? Здесь ли еще? Не умчался ли на розыски? Слишком велик соблазн. В последние часы перед операцией не сдержался, послал людей на разведку, напутствовал их втайне от приятеля, сам инструкции давал. Перекрестил в спину, когда те покидали его палату.

Теперь, приходя в себя после больничных ужасов, спрашивал Семена, с чем возвратились посыльные. Оказалось, от тех не было еще ни слуху ни духу.

Семен Наумович Дойкин, он же Дантист, прозванный так братвой за аккуратность, с которой приступал к каждому порученному делу, в разведчиках не сомневался, хотя обиженный вид сохранял – без него Легат решение принимал.

– И Ядца⁶, и Хрящ – люди бесценные, надежней и сноровистей среди наших не сыскать, – заверял он, успокаивая Легата. – Ты, Илья Давыдыч, правильный выбор сделал.

– Долго вестей не шлют...

– Ну что же долго? А может, и нечего пока слать?

– Беда... Неужели опять обман? Ошибка?

– Все в руках Божьих, – Дантист Бога почитал. – А с другой стороны, с кем им весть нам слать? В той тьмутаракани наших надежных людишек не было никогда.

– Не думали даже, – сетовал между тем Легат, – а кремль-то там древнейший. Городище-то еще при татарах строилось. Вот дружков Игнатия туда и понесло. Лучшего места нет, чтобы и спрятаться от меня, и кладами промышлять.

– Забыли...

– Там же и Золотая Орда сотни лет стойбище имела. Читал я, вспоминаю сейчас, столица у них там была. И шелковый путь проходил когда-то в тех же местах. И Стенька Разин разбойничал, из Персиды награбленное свозил, в городе прятал. Золота там хоронится в подземельях немало. Как же мы про эти места забыли?

– Не учли...

– Да кому же учитывать?! – забился в гневе и задохнулся враз от нахлынувшей в грудь боли Легат, замер, побледнел, остывая. – Без меня вы же никто башкой не кумекаете! Что будете делать, если я подохну?!

⁶ Ядца (старославянск.) – обжора, сластолюбец.

– Уймись, Илья! Что несешь! Не гневи Бога!

– Бога вспомнил? Раньше надо было, когда на карте помечали города, где следы искать. Как же прошляпили? Стеллецкий, конечно, там бывал. Этот червь хитрющий, почитай, все подземелья проверил, где смог. И на Украине, и у нас в России все перекопал, проныра!

– Успокойся, Илья Давыдыч. Нельзя тебе. Врачей вспомни!

– А что врачи! Только страшать и могут! – огрызнулся Легат. – Меня больше посыльные наши бесят. Чего молчат-то?

– Все может случиться, – утешал Дантист, – только у меня сомнений в наших людях нет.

– Головой отвечаешь?

– Головой рисковать не стану. Обоих ты сам отбирал. Без меня обошелся. Или забыл?

– Не забыл.

– А чего же? Ядца, сам знаешь, угадает любого из дружков Стеллецкого, коль на глаза попадет. Он же среди них не один месяц якшался, за своего слыл.

– За своего, за своего, – устав, тяжело ворочал языком Легат. – Да сколько лет минуло! Считай, сразу после войны было.

– Однако с месяц-два, как сейчас помню, Ядца в одном доме с Игнатием живал.

– Так, конечно... Квартировал.

– Всех его дружков в лицо знал. И на похоронах присут-

СТВОВАЛ.

– Было.

– А план подземелья Москвы как он у Игнатия стибрил!

– Ядца мастак тогда был, ничего не скажешь...

– Башка у него и сейчас варит на такие штучки.

– Уверен?

– Вот те крест, Давыдыч! – побожился Дантист. – Сам в себя так не верю!

– Трепаться ты горазд, Семен, – закрыл глаза, совсем утомившись, Легат и вспомнил далекий, тускнеющий уже в памяти сорок девятый год.

В те дни, когда очевидным стало, что жить археологу Игнату Стеллецкому остались считанные месяцы, многих трудов и денег понадобилось Легату, чтобы подселить на улицу Герцена, в квартиру умирающего и его недоверчивой жены, расторопного проныру Ядцу. Тяжелобольной археолог, наученный горьким опытом участвовавших в последнее время загадочных пропаж из его собраний то экспонатов раскопок, то уникальных документов, схем, планов подземелий древних крепостей, замков, городищ, был недоверчив и подозрителен. Такой же была и его жена. Но толстяк Ядца, сластолюбец и обжора, обладал невероятной способностью влезать в души людей, располагать к себе самых недоверчивых. А остальное – выкрасть из архивов бесценные бумаги археолога – было пустячным занятием. К тому времени интерес государственных чиновников к Игнатию Стеллецкому стал

утрачен. Человек, не испугавшийся когда-то писать письма Сталину о необходимости продолжения поисков знаменитой библиотеки Ивана Грозного, сокровищ древних московских государей в подземельях столичного кремля, для них уже ничего не значил. Собранные в многочисленных экспедициях и раскопках древнейших городищ, крепостей и подземелий экспонаты, составленные планы, описания тайников никем не охранялись и никому не были нужны.

Когда позже их пропажу обнаружили энкавэдэшники, ловить уже было некого и искать нечего. Впрочем, как и многого чего другого...

Да, неоценимую услугу оказал Легату пройдоха Ядца. Но тогда он был молод, проворен и предан. А теперь? Время точит камни... Теперь он стар, ленив и хитер. Не любит делиться тем, что попадает в его лапищи. Владеет антикварными магазинами в Киеве и Одессе и живет припеваючи. Заставь его теперь спуститься в тухлое подземелье, посули мешок добра, торговаться начнет. А раньше такое поручение, словно шакал подачки, ждал. Соперников растерзать мог.

Легат хорошо знал все достоинства приятелей по промыслу. Кандидатуры среди них искал мучительно, сомневался во многих, но остановился на трех...

В каспийские пустыни послал все же толстяка Ядцу, но приставил к нему Хряща. Тот не даст подельнику сжулить. А друг друга они давно терпеть не могли, не останови – горло перегрызли бы один другому...

Спустя две недели после выписки из больницы, едва окрепнув, Легат заказал телефонные разговоры. Не на квартиру, а на переговорный пункт, куда поехал один, чтобы Дантист ничего не пронюхал.

В далеком поволжском городке он вызывал человека, известного только ему одному.

Люди подземелья

– Тащи его сюда, Донат! – старик Мисюрь, кряхтя, согнувшись в три погибели, чтобы не удариться седой лохматой головой в каменный свод узкого подземного коридора, ткнул горящим смоляным факелом в вонючий темный угол.

В углу коридор круто заворачивал и опускался ступеньками вниз. В свете факела Донат, как ни застилал пот глаза, успел рассмотреть черную плесень и влажную зеленую тину на склизких ступеньках. Одна, две, три, четыре...

«Сколько же их там? – с ужасом подумал он. – Не иначе в самый ад ведут!»

Последние ступеньки тонули в густой, словно трясины, неподвижной жидкости. А подземный коридор, наполовину заполненный этой жидкостью, ускользал в черную бездну. Страх сдавил грудь юноши, горло пересохло, Донат начал задыхаться и на дрожащих ногах привалился к холодной стене. Всякое бывало, но в такие подземные глухие закутки отец его еще никогда с собой не брал.

– Вода же там! – закричал он и выпустил веревку с грузом. – Куда его?

– Тащи, тебе говорят! – взвизгнул Мунехин на сына, да так, что тот вздрогнул.

Крик гулким эхом прокатился по подземелью и не скоро затерялся в, казалось, бесконечном коридоре.

– Зачем Игнашку отпустил? – Донат, обессиленный, совсем сполз по стене и опустился на корточки. – Вдвоем мы бы его мигом куда хошь.

За спиной Доната на широкой доске пласталось лицом вверх безжизненное тело монаха Ефимия.

– Давай, сынок, – глухо сказал Мунехин, стыдясь своей выходки, свободной рукой он поднял веревку и попытался сдвинуть доску с трупом с места, но факел мешал ему. – В воду спустим, а там я один его упру.

– Куда ж ты его? Вода ведь!

– Спрятать с глаз долой, – перекрестясь, выдохнул Мишурь, потом поправился, заметив, как сверкнул на него глазами сын. – Земле предать тело надо. По-христиански.

– Где ж ты там землю видел? Нефть, не нефть? Болото какое-то!

– Есть земля, сынок. – Мунехин опустился на корточки рядом. – Есть песочек. Передохни чуток. А то погнал я тебя поначалу. Сам себя не помнил. Передохни.

– Кто его так, отец? – Донат кивнул на труп.

– Вот Игнашка подоспеет с фонариками, и я его один пе-

реправлю отсюда, – не отвечал, будто сам с собой разговаривая, старик Мисюрь. – Игнашка у нас малец прыткий. Он скор на ногу.

– Это ты его, отец? – схватил за руку отца Донат. – Ты?

– Черные люди его, сынок, – опустил голову Мунехин. –

Чуял я. Появились они здесь. Нашли нас.

– Черные люди? Кто это?

– Если бы знать.

– А говоришь?..

– Старые знакомые. Больше некому.

– Ты ничего не рассказывал.

– Некогда было. Да и думал, не будет нужды. Надеялся. А

видать, иначе получается.

– Я тебя не понимаю.

– Куда уж! Я сам только-только очухался мал-мал. А то все невдомек. Как в угаре! В чигире каком!

– И мамку они нашу?

– Что ты! С чего это? Мамка-то при чем?

– Ну... Ее же засыпало? В подземелье?

– Кто сказал? Златка наплела?

– Тетка Илария ей открылась.

– Вот бабий язык! – выругался Мисюрь и перекрестился. –

Сорока болтливая, прости меня Господи.

– Расскажи, отец!

Старик Мунехин тяжело опустил голову, задумался; сын не сводил пытливых тревожных глаз.

«Не заметил, как выросли детки-то, – Мисюрь из-под бровей бросил украдкой взор на старшего. – Донат-то совсем взрослый стал. Вон, вымахал каким здоровяком! Один, без посторонней помощи волочил от самого склепа по душным тайным ходам кремлевского подземелья громоздкое мертвое тело убиенного Ефимия. Считай, пудов шесть. И слова не сказал. Верит отцу до последнего. Беспрекословно. На смерть пойдет, глазом не моргнет. Вон как уставился! Правду хочет знать! Вырос... Дорос до правды... Все хотят правду знать... А понравится она ему, отцова правда?»

Невеселые, тяжелые мысли угнетали старика Мунехина, загнал он себя в угол, раньше надо было поймать момент поведать сынам все откровенно, доходчиво, от души. А что здесь успеешь рассказать? Когда неизвестными убийцами загнан в тупик. Когда над головой тучи нависли одна другой черней! Когда труп безвинного монаха рядом!

– Не хотел я раньше времени мозги ваши детские бедами нашими забивать, – Мисюрь хотел погладить сына, как раньше бывало, по выющимся русым волосам, но рука его повисла в воздухе и отважилась опуститься только на крепкое горячее плечо. – Все вы с Игнашкой маленькими казались, да и мать не велела. Думали мы оба, рано еще.

Донат молчал, тяжело дышал, рубахой отирал лицо от пота.

– А жизнь быстрее наших дум оказалась. Забыли мы с матерью многое. Обрадовались рано в спокойной глуши. Вот

нас Бог и наказывает.

– Что с матерью, отец?

– С матерью? Знать хочешь?

Донат только качнул головой, жестко сцепил губы, словно готовясь к самому страшному.

– А поймешь меня?

– Постараюсь.

– Долгая история будет.

Донат молчал, ждал от отца продолжения.

– Ладно. Слушай тогда. Все равно Игнашку ждать. Значит, сначала... А чтобы понятнее было, начну с себя. Ну, так... Фамилии я своей не знаю.

– Это как же?

– Беспризорничал с малолетства. Гражданская война. Ни отца, ни матери не помню. Помню, с поезда на поезд гоняли мы, пацаны, стайками, как воробьи, по стране. Искали, где с голодухи не сдохнуть и не замерзнуть зимой. В теплых краях, на Украине, меня Игнатий Яковлевич и подобрал. Двадцатые годы. Он как раз вел раскопки в замке Богдана Хмельницкого. В Субботове. Город такой. А мы в развалинах и подземельях замка прятались от милиционеров. Там не сыскать. Харчились тоже прилично, обирали подвальчики в ближайших селах. В общем, жизнь веселая была.

Мисюрь подмигнул сыну, тот грустно улыбнулся.

– Я привязался к Стеллецкому. Он многих нас, мальчишек, с ума сводил своими чудными рассказами о кладах, о

тайниках, о сокровищах. У костра как начнет перед сном нам рассказывать! Заслушивались до одури. А потом не спали до утра. Все мерещились алмазы в аравийских пещерах, изумруды в пакистанских тайниках. Я тебе об Игнатии Яковлевиче говорил немного. Великий был человек! Знатный ученый. К тому времени он уже пол-света объездил, а сердцем прикипел к Востоку. Начинал как раз с палестинских раскопок, где заинтересовался древними подземными сооружениями, да так всю жизнь клады и проискал! Его за эту страсть научные мужи всерьез не принимали – считали чудаковатым, что ли? Он действительно тронутый был болезнью кладоискательства. И нас всех заразил, помощников своих.

– Разве это плохо?

– В науке, наверное, хорошо... Не знаю. Но Стеллецкого переделывать поздно было. Одни бредили гробницами фараонов, другие сходили с ума в поисках Трои, третьим мерещилось золото инков и ацтеков, а Игнатий Яковлевич раскапывал древнерусские городища, тайники в подземельях замков, монастырей, храмов.

– А на Украине?

– Везло ему! В Субботове возле церкви удалось найти полусгоревшие человеческие кости. Он был уверен, что это останки Богдана Хмельницкого. Врагов себе в спорах нажил, но так и не сдался.

– Кто же там был? Хмельницкий?

– Когда мы уезжали в Москву, я сам помогал Стеллецо-

му ящики с находками для музея упаковывать. Так мы тайком несколько костей от того скелета с собой увезли. Для экспертизы дальнейшей. Игнатию Яковлевичу потом за это досталось по первое число. Вернуть в свой музей хохлам эти кости захотелось!

– А что нельзя? Он же сам нашел!

– Есть определенные сложности... Вот я и укатил тогда со Стеллецким в Москву. Для того, чтобы билет на поезд купить, Игнатий Яковлевич мне тогда и имя дал. Вот с той поры...

– Странное имя какое-то – Мисюрь? А отчество Игнатович.

– Отчество его. А имя? Я же говорил, чудаковатый он был. Все к раскопкам сводил. И фамилия наша с ними связана. В свое время он бредил раскопками города Пскова. Об этом городе еще историк древний писал, что по количеству подземных ходов и тайников ни один европейский город не сравнится с Псковом. Легенды ходили о множестве кладов в тех местах. Особенно искали несметную казну польского короля Стефана Батория; помню, и мне Стеллецкий рассказывал о поисках таинственной двери в Поганкины палаты, где сокровища скрывались, у него тоже своя версия на этот счет была, только ему полазить там не удалось, а без него кто найдет!

Мисюрь иронически хмыкнул, помолчал, почесал голову и продолжал:

– Но я увлекся... Про фамилию нашу вот что. Псков тот,

крепость и тайники с подземельями строил как раз Мисюрь Мунехин. Мунехин тот... Если нынешними мерками подходить, до Косыгина, конечно, ему не достать, но рядом. Казначеем был Мунехин у великого князя, а начинал дьяконом. Он всю Европу в те времена объехал. И в Иерусалиме побывал, и в Венеции, и в Царьграде, а затем руководил строительством оборонительных укреплений в Пскове. Подземный тайный ход под речку Пскову – его рук дело! Игнатий Яковлевич в этом никогда не сомневался. Вот и дал мне имя и фамилию этого удальца! А? Как? Красивая фамилия?

– Красивая, – сомневаясь, проговорил без энтузиазма Донат. – Только никто не знает об этом.

– Ну кто ж тут виноват? – пожал плечами Мунехин. – Раз у нас так быстро всех забывают! А потом я Игнатию Яковлевичу стал и слугой верным, и помощником, и другом. За сына жил у него в столичной квартире. Учился, но во все поездки по стране с ним катался, всегда рядом при раскопках находился. Несобранный он, растеряха. Ему сторож хороший нужен для находок, документов, открытий. Он меня все в институт хотел устроить, а я ленился. Поступил, но доучиться не удалось... Но в сотрудниках его ходил. А потом война...

Мисюрь опустил голову, задумался, вспоминая далекое прошлое.

– Разные люди вокруг него крутились. А он всем верил. Сколько растащили его бумаг, ценностей, карт, планов рас-

копок, когда он заболел! Ужас! Меня жена его вторая вызвала уже после войны. Телеграммой. Он тогда перенес второй паралич. Еле-еле на ноги встал. Я его заново ходить учил... Странная болезнь его посетила. Жестокая. Никому такого не привелось.

– Что же за болезнь такая?

– Забыл все! Говорить не мог. Слышать – слышал. Даже понимал, а не писал и говорил иногда на каком-то непонятном языке. В молодости, помню, он знал их, этих языков, с десяток. И латинский, и греческий, и арабский. Как заболел, иероглифы какие-то изображал вместо букв. До истерик доходило. Все прахом пошло. Ученому человеку без языка нельзя. Особенно в старости. Когда настоящая мудрость посещает. Сколько бы он людям рассказал!..

– Так и умер?

– Так и умер... Жена его плакала, перед самой смертью рассказывала, что повторял он одно греческое слово: «мойра».

– Мойра? Что это?

– Судьба.

– Судьба? – тихо повторил Донат. – А мама? Что с ней, отец?

– А мама? – Мисюрь наморщил лоб, отвернулся, ему потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя, воспоминания перевернули все нутро, даже глаза увлажнились.

– Я тут сказал, что вокруг Стеллецкого крутились разные

люди... Было и жулье. Хуже! Откровенные бандюганы! Им от Игнатия Яковлевича одно требовалось. Пытались жить на его открытиях.

– Как это?

– А очень просто! Были случаи, когда на нас нападения устраивали во время археологических раскопок. Похищали экспонаты.

– Клады!

– Конечно, клады. Монеты старинные, утварь древнюю. Да мало ли ценностей мы отыскивали при раскопках, в тайниках! Стеллецкий, между прочим, самым удачливым был среди археологов. Ему, как никому, везло на ценные находки. А знаменитую библиотеку царя Ивана Грозного у него, можно сказать, прямо из-под носа увели!

– Как это?

– Вот так! Только и ворам воспользоваться не удалось. Черные люди это были. Вот Бог их и наказал, когда власть не смогла.

– Ты нам с Игнашкой как-то рассказывал о черных кладоискателях!

– Вот и эти вроде них, только посерьезнее, думаю. И ведь догадывался Игнатий Яковлевич, даже конкретных лиц подозревал, но милиции не удалось на след напасть.

– Бандиты?

– Предполагал он, что перешел дорожку еще в молодости одному головорезу. Тот не простым уголовником был. Тоже

из дворян и образование имел соответствующее. Археолог, как и Стеллецкий. Только мозги набекрень. Сколотил шайку из отпетых воругов и грабил имения и дворцы сбежавшей от революции за границу царской знати. Музейщикам, наркомфинотделу да гэдэушникам рук до их охраны не хватало.

– Как же? Дворцы?!

– В подземельях тайники те были. Кто про них ведал?

– А он?

– Чисто работал бандюга. Профессионально тайники грабил. Пока милиция или гэдэушники про ценности проведуют, а спец тот уже туда заберется и подчистую все сгребет. Слухи ходили, будто имел он своего человека в самом ГПУ, поэтому опережал.

– А Игнатий Яковлевич что же?

– А Стеллецкий свои соображения про тайники и клады обязан был в ГПУ докладывать. Без них и шагу нельзя было сделать. Он ведь первым тайный ход во дворце Юсуповых нашел. А кто его послушал? Кто хоть пальцем о палец стукнул, чтобы раскопки к той двери начать? С этого юсуповского тайника и все пошло!

– Что пошло?

– Да ты меня слушаешь или нет?

– А то!

– А чего же спрашиваешь? Бандюге все с рук сходило. Так бы и шло до поры до времени, пока на двух дворцах не погорел стервец. Первой его большой осечкой и стал тайник, до

которого Игнатию Яковлевичу добраться не дали бюрократы. Вместо дела бумаги заставили оформлять крысы конторские, а жулику бумаги не нужны!

Мисюрь вдруг внезапно умолк, словно его осенила догадка, изумленно как-то глянул на сына, почесал затылок.

– А может, и не случайно все произошло?..

– Да не тяни, батя.

– Стеллецкому не разрешили копать, так тайник тот, князя Феликса Юсупова, с миллиардными сокровищами, пьяный дворник нашел. Ну, понятное дело, гэпэушники тоже тут как тут. Однако ворам ничего не досталось.

– Чудно!

– А вот второе фиаско грабитель потерпел напрямую от нашего Игнатия Яковлевича. Его тогда пригласили искать тайники в московском дворце самого Голицына. Министра, фаворита царевны Софьи, сестры Петра Первого. Пять лет к этому времени прошло после того случая. Только бандюга, оказывается, так и следил за каждым шагом Игнатия Яковлевича. Знал, что легкая рука на кладу у Стеллецкого. Только не удалось ему опять поживиться. Князь Василий Голицын по тем временам считался человеком сверхобразованным, дружил с иностранцами, алхимией занимался. Магистерии все искал.

– Что это?

– Философский камень так называли. Верили, что способен тот камень превращать любой металл в золото.

– Нашли, значит, золото-то!

– Нашли, – кивнул головой Мисюрь. – В тайной той подземной лаборатории и золото, и серебро было, только не чудный камень был тому причиной. Князь держал там, видать, свои закрома на всякий случай. Боялся и за себя, и за свое добро. Иезуитом его считали, смерти могли придать. Если не сама царица Софья, так Петр Первый кончить мог за такие таинства... Но золото и прочие ценности князя уплыли из-под носа бандюги того и в этот раз. А когда год спустя Игнатий Яковлевич исследовал подземные лабиринты в Головинском парке и, случайно наткнувшись, обнаружил место, где бандиты укрывались и держали склад награбленного, стал он заклятым врагом! Вот с той поры и затаил тот смертную злость на Стеллецкого.

– Ты, батя, сам-то откуда все знаешь? – Донат пытливо заглянул в глаза отцу. – Тебе ж тогда еще меньше, чем мне сейчас было?

– Игнатий Яковлевич рассказывал. Он меня за сына почитал. И в поездки на все раскопки городищ всегда брал. А там ночью-то чего делать? Вот истории его и слушали у костра. К утру, бывало, только и расходились. С ним столько всякого случалось!..

– Я тоже в археологи пойду.

– Вот те на! Чего это враз?

– Я давно решил.

– Это с чего бы?

– Ты Игнашку-то в честь Игнатия Яковлевича назвал? – вместо ответа спросил Донат.

– Игнашку-то? – Мисюрь зыркнул глазами на сына. – А что? Завидуешь?

– А меня почему Донатом?

– Не нравится?

– Церковное имя придумал. Пацаны вон попами да жидами нас кличут.

– Русские мы. А Игнатий Яковлевич-то первое образование духовное имел. В Киеве академию закончил. Богослов он.

– А как же?..

– Что?

– Клады все эти?.. Раскопки, тайники?..

– После академии ему на выбор два места для службы предложили. Америку и Палестину. Он выбрал Восток. Познать хотел историю Спасителя нашего, Иисуса Христа. Увидеть, руками пощупать.

– Не верил, что ли?

– Верующий он. Только до всего хотел сам докопаться. Искал следы Господа нашего на земле. Дела его, в материю облаченные. Считал, что должны они сохраниться. Вот в Палестине его и заинтересовали древние подземные сооружения. С тех пор и заразился страстью познать истину Божью.

– Интересно все это! Дух захватывает! – Донат аж засиял весь, засверкал глазами на отца.

– Страшные это тайны подземные, – мрачно произнес Мисюрь и уставился в пол, где распласталось безмолвное тело монаха. – Жизнью за них всегда несметное число людей расплачивалось...

Донат вздрогнул, вжался в холодную каменную стену, потух глазами, прошептал:

– За что его, отец?

Мисюрь опустил голову, выдохнул:

– Жив, значит, тот бандюга! Больше некому. Только вот как они нас нашли? Сорок лет прошло... Я надеялся, забудут...

А между тем, погожим поздним утром...

Кто-то щекотливый и настырный горячим языком облизывал ей голые пятки, чмокая и повизгивая от удовольствия.

– Бим! – вскрикнула Майя, просыпаясь и поджимая ноги под покрывало. – Безобразник! Как ты меня напугал!

Она вскочила на ноги, едва не перевернув палатку, в которой спала; щенок залаял и запрыгал вокруг нее, сумасшедший от счастья.

– Майя! – донесся от домика голос матери. – Завтракать!

– Я сейчас. Только искупаюсь, – отозвалась она, набрасывая на плечи халат и разыскивая полотенце. – Этот проказник всю меня обслонявил.

– Поспеши. Собираемся к столу, – Анна Константиновна

прошла мимо палатки к берегу. – Мне рыбачков неугомонных собирать.

– Несносный щенок! – смеясь, отмахивалась Майя полотенцем от расшалившегося пса. – Он еще и кусается!

– Не ругай Бимку. Бабушка послала его тебя будить. Припозднились вчера у костра?

– Я и без него бы поднялась, – запрыгала Майя к речке. – Ишь, будильник нашелся!

Лохматый хлопотун с лаем понесся вслед, хватая развевающиеся на девушке полы халата, и замер только у плескавшейся волны. Хлебнув с разбега остужающих брызг из-под ног хозяйки, он фыркнул недовольно и, обидевшись, залег в траву, спрятался в кустах, но не выдержал и минуты, пустился в погоню за мельтешившими перед его носом назойливыми кузнечиками и нахальными бабочками.

– Папка! – позвала отца Майя, заплыв чуть ли не к середине речки. – Давайте ко мне с Николаем Трофимовичем! Бросайте удочки! Вода теплющая!

Игорушкин и неразлучный его заместитель похаживали в тени дерева у воткнутых в берег длинных удилиц с неподвижными загрустившими поплавками. Оба были в видавших виды обвислых соломенных шляпах, темных куртках на голое тело, трусах и резиновых по колено безразмерных сапогах. Униформу эту, несомненно, с известной картины Перова, подобрал им непререкаемый авторитет и спец по рыболовной части Михал Палыч. С его слов, при другой одеж-

ке ни о каком клеве и помышлять не стоило. Впрочем, судя по удрученному виду обоих рыболовов, сегодня тоже был не их день: на кукане у дерева лениво плескалась в воде чахлая тарашка, прячась со стыда.

– Папка! Плывите ко мне! – надрывалась Майя, несмотря на протестующие знаки отца, подплывая ближе, шумом и криком отпугивая его последние надежды на рыбацкое счастье.

– И то дело, Петрович, – быстро стянув с себя шляпу, сбросив куртку и сапоги, рванулся к воде Тешиев. – Хватит без толку спины гнуть. Я уже спарился совсем.

– Коля! – замахал ему вслед удилищем с пустым крючком Игорушкин. – Наживи мне червячка. Опять сожрали «пожарники»⁷.

– Банки на них не хватит! – не останавливаясь, отозвался Тешиев. – Червей на завтра побережь надо.

– Наживи, Коля! И сигай себе с Богом.

– Не могу, Николай Петрович, – Тешиев бултыхнулся в речку, вынырнул и теперь блаженствовал лежа на спине, выпуская изо рта вверх веселые фонтанчики воды, словно кит. – Анна Константиновна вон кушать звать пришла, а мы и не купались.

– Не заслужили мы кормежки, Аннушка, – смущенно улыбнулся муж. – Рыба без уважения пошла. Вчерась еще клевала, а сегодня как отрезало.

⁷ «Пожарник» (разг.) – мелкий окунь.

– Лето жарит, – подплыл ближе Тешиев. – Борису Васильевичу следовало пораньше приезжать. Весной. Какой теперь клев? В мае бы, вот тогда – да!

– Раньше и вода мокрее была, – съязвил Игорушкин, смаывая с сожалением удочку. – Оправдывайся теперь. Вы что мне с Михаилом обещали?

– Что?

– Забыл?

– Рыбу-то? Вон ее сколько! – Тешиев закатил глаза, вылезая на берег, ступил в траву и запрыгал на одной ноге, склонив голову на бок. – Вода в ухо попала!

– Так тебе и надо, – буркнул Игорушкин, отворачиваясь от него. – Обещалкины!

– Вчерась же уху хлебали! Котел не доели.

– Рыба, она на крючке должна быть, – Игорушкин покачал головой. – Сердце рыбака радовать. Страсть разжигать. А в котле – это уже кулинария.

– Это моя радость, – засмеялась жена. – Ну, хватит, спорщики! Айда к столу!

– А вон и Борис Васильевич! – крикнула Майя, вскидывая руку из воды в сторону камыша.

Действительно, в плотной стене зеленого тростника за ее спиной ясно послышались голоса, всплески воды. Голосов два, один – требовательный, командирский, наставляющий, другой – вежливый, мягкий, вопрошающий.

– Михал Палыч, не иначе, – прислушавшись, хмыкнул

Игорушкин. – Загонял он Бориса Васильевича. Ишь, покривает!

– Ему наше начальство нипочем, – поддакнул Тешиев. – Попадись маршал, он и тому спуску не даст. Я раз на охоту с ним поехал...

– Не приморил бы он нам его? – забеспокоился Игорушкин. – Городской человек все же! Отдыхать приехал. А мы его в такую рань подняли!

– Ты же сам, папка, только что про страсти мужские рассуждал? – Майя вышла из воды, приняв от матери полотенце. – Не пойму я тебя!

– Страсть, она в меру хороша, – нашелся отец. – А с возрастом забываться негоже.

– Вот те раз! – Тешиев хлопнул себя по мокрой коленке. – Это кто же здесь про возраст вспомнил? Стыдись, Петрович!

Освободившись, наконец, из тростникового плена, на гладь речки выкарабкалась маленькая легкая лодчонка, управляемая Нафединым, восседавшим подобно куперовскому следопыту на корме с веслом. На дне в середине лодки сидел Кравцов, улыбающийся от избытка чувств и не без усилий удерживающий над водой здоровенный кукан с несколькими золотобрюхими сазанами, сверкающими на солнце чешуей. Хвосты рыбин тонули в глубине.

Игорушкин и Тешиев, не скрывая восторга, закричали, замахали руками, приветствуя счастливицков, Майя запрыгала с полотенцем, щенок залаял, забесновался. Спокойной и

невозмутимой осталась одна Анна Константиновна, не понимая их восторга и укоризненно покачивая головой.

– Еле-еле уговорил возвращаться, – кивая на Кравцова, залебезил перед Анной Константиновной Михал Палыч. – Не оттащу его от коряги, и все тут! Там такие сазанищи полощутся!

– Время-то! Время! Михаил Павлович! – стыдила его Игорушкина. – Я же предупреждала! У Бориса Васильевича режим! Я на час вас отпускала. Вчера договорились же!

– А вы попробуйте! – Нафедин валил все беды на Кравцова. – Сладьте с прокурором страны! Небось, послушает?

– Простите покорно, Анна Константиновна, – вылезая из лодки на берег, поклонился хозяйке Кравцов. – Не сдержался. Совсем про все забыл. Такой рыбы я не видел. Простите покорно.

– Ну что с вами поделаешь, – Анна Константиновна, улыбаясь, погрозила пальцем. – Последнее предупреждение. Следующий раз несдобровать.

– Вот и славненько, – Кравцов повернулся к Игорушкину. – Как улов, Николай Петрович?

Тот только разводил руками, а Тешиев забежал наперед, перехватил у Нафедина кукан. Рыба, еще живая, лениво и величаво таращила на людей глаза.

– Я сам таких давно не видел, – радовался, как ребенок, заместитель. – Все на сковородке как-то. В жареном виде.

– А я что вам говорил? – Нафедин приостановился, схва-

тил Тешиева за руку. – Кто сомневался, что рыба в Волге есть?

– А кто сомневался? – Тешиев вперился в Игорушкина.

– Ловить надо уметь, – не унимался Нафедин. – Мы вот с Борисом Васильевичем на завтра решили еще в одно местечко сгонять. Махнете с нами? На двух лодках?

– А чего же...

– Мы разом.

– Так, друзья мои, – прервала всполошившихся рыбачков Анна Константиновна. – Давайте эти разговоры пока прекратим...

– Мама! К нам кто-то приехал! – Майя, схватив Анну Константиновну за руку, повернула ее в сторону ворот, где неистовствовал, заходиллся в лае пес.

– Это к тебе, конечно, – отмахнулась Анна Константиновна. – Ребята, наверное, из института? Ты же приглашала?

– Нет, – Майя вспомнила обиду, надула губки. – Папка же запретил.

– Кому там быть? – Игорушкин тоже обернулся на лай собаки. – Мы никого не ждем.

За забором никого не видно. Лишь возбужденно прыгающий на калитку пес заходиллся в громком лае да слышен едва различимый шум работающего автомобильного двигателя.

– На машине кто-то, – Тешиев передал кукан с рыбой Нафедину. – Я схожу посмотрю.

– Я сбегая, Николай Трофимович, – блеснув глазами,

вдруг сорвалась с места Майя, махнув собаке полотенцем. – Бимка! Прекрати дурацкий концерт!

И она, тонкая и легкая, припустилась к калитке.

– Бимка! Фу!

Но пес уже и сам перестал бесноваться, притих и только прыгал вокруг калитки, повизгивая и виляя хвостом, словно уже получил вкусненькое.

– Бимка, ко мне! – подбежала Майя и открыла калитку.

Вытянувшись в струну, поедал ее жгучими глазами высокий черноволосый старший лейтенант милиции, гвардеец с картины, весь в кожаных ремнях, с пистолетом на боку и в облаке пьянящих духов.

– Здравия желаю! – лихо приложил он к козырьку форменной фуражки два пальца правой руки.

– Здравствуйте, – обмерла заалевшая вдруг Майя, поправляя разметавшийся на груди и в ногах легкомысленный, ставший маленьким халатик. – А вам кого?

– Прокурор области Николай Петрович Игорушкин здесь, простите? – красавчик не стоял, а выскакивал из сапог, и Майя отражалась вся в его распахнутых от восторга глазах.

– Тут. – Девушка не слышала своего голоса, она никак не могла справиться с непослушным халатом.

Офицер пришел в себя и улыбнулся.

– Папа! – позвала Майя, но ей только показалось, что она кричала.

Черные люди

Мисюрь оперся о косяк входной двери горячим потным лбом, перевел дух, перекрестился. Ну вот. Он и дома.

– Слава Богу, – прошептал спекшимися губами. – Самое страшное позади.

Мисюрь оглядел тяжелым взглядом коридор подвала, где в однокомнатной дворницкой стояли метла, ведра, лопаты; сейчас отдохнет на лежаке, вздремнет с часок до полного рассвета, а там и за уборку улиц примется, как раз пора настанет, считай, ночь всю на ногах отмотал...

«Намучился, – пронеслось в гудящей голове. – Сколько месяцев уже не ползал так под землей! Последний раз с Марией привелось, когда горе-то приключилось... Донат интересуется – убил кто? Не убили, сынок, мать твою грешную. Слава Богу! Сама себя сгубила любимая жинка. С ним, с подземным червем, связалась... Это ее и сгубило... А как сказать?..»

С усилием разжал не слушающиеся от усталости губы.

– Прости, Господи, меня грешного.

Тяжки его минувшие ночные бдения: ночь под землей в духоте, вонь от коптящих факелов до сих пор ест нутро; хорошо, Игнашка подоспел с фонариками, а не принеси он их, совсем задохнулись бы они с Донатом в тайных подземных лабиринтах. И убиенный поплыл, запах тяжелый пошел от

тела монаха, едва успел Мисюрь его землеце придать. Оставил бы на день-два, пропал бы совсем, не подступись тогда к трупу в жаре и духоте такой, в темноте да под землей. А там вода рядом!..

Мисюрь чуял, как сдал; рад бы шаг ступить, идти дальше отдыхать в дом родной, только сил нет. Никак не отдышится, дрожат ноги ватные, не держат его тело.

Не тот уже Мисюрь, стар совсем, а все, бывало, хорохорился перед Марией. А ее не стало, раскис. Не заметил, как ослаб. Себя не узнает. А ведь в памяти еще, как с Игнатием Стеллецким не одну ночь кротами в подземельях проводили, и ничего! Наверх выбирались, воздуха свежего глотнуть, и опять под землю. Да что там со Стеллецким! С Марией они здесь уже, в кремле, давали жару! От Троицкого собора, считай, все ходы зараз проходили и дела успевали сделать: тайники, схроны, какие попадались, проверяли, в каменные мешки⁸ заглядывали при случае... Сколько их пришлось раскопать!.. Страху-то натерпелись, пока до заветных мест добрались!.. Марии удача улыбалась...

Мисюрь горько вздохнул, закрыл глаза, жена, словно живая, предстала перед ним. Красивая, манит зелеными лукавыми глазками, посмеивается...

– Миська, мой любимый, – слышит он ее нежный голо-

⁸ Каменный мешок (разг.) – камера в рост человека в каменной стене подземелья, наглухо заложённая кирпичной кладкой, имевшая отверстие только для подачи пищи жертве, узнику или затворнику, самостоятельно принявшему решение о таком наказании за грехи.

сок, колокольчиками тот голосок перезванивает в его мозгу, дрожь по всему телу от знакомого щебетания, тянется он весь к ней, поймать хочет в объятия.

– Мисюрик, цветочек мой... – не умолкает в мозгу.

– А! Чтоб тебя! – дернулся Мисюрь к жене, ударился лбом о косяк, очнулся, пропало видение.

«Что это со мной? – испугался весь, мышью в голове забегали ужасы. – Задохнулось совсем сердце без кислорода под землей! Все! Конец пришел! Хана! Легкие не те!»

Сколько он под землей пробыл? Часов восемь-десять? Не держат ноги. И сердце совсем сдало! Тень от прежнего Мисюря осталась. Бывало, быка матерого рогами наземь гнул, а теперь сам едва стою! Душу из телес выбивает дыхание-то! И куда? Ей теперь спешить только наверх! На небеса. Да пустит ли Господь? Грехов на тебе, окстись! Не счесть! Не примет Господь. Не берет он таких к себе. Червем в земле ползал, в земле гнить придется. Смердеть!

Мисюрь несколько раз неистово перекрестился тяжелой рукой.

– Прости, Господи! Прости раба своего!

Что это с ним? Полчаса у косяка валандается, как бесноватый! Аж сердце из груди выскакивает! Не иначе приступ? Никак в себя не придет! И ноги трясутся? Что это? Уж не конец ли?!

Мисюрь утер горячий пот со лба, с лица, открыл глаза, огляделся. Тяжко дался ему этот треклятый визит под зем-

лю. Не ходок он туда более. Не ходок. Не вылезет как-нибудь однажды на белый свет.

– Донат! Игнашка! – толкнул он дверь, но та не поддавалась.

Заперлись изнутри ребятишки-то. Ну и правильно сделали, как он наказывал. Не дай Бог завалится кто ночью!

– Игнашка! – застучал Мисюрь металлическим кольцом, вделанным им самим когда-то в дверь для удобства. – Открывайте, детки!

За дверью ни движения, ни звука.

– Спят, поросята, – остывал он, приходя в себя. Что это его встревожило-то? Что особенного случилось? Ну спят пацаны. А как иначе? Рассвет вон только-только начинается. Ночь еще не сбежала со двора. Петухам бы петь, да не деревня!

Мисюрь нашарил ключ в кармане, с третьего раза вставил его подрагивающими пальцами в замок, повернул два раза и шагнул за порог. Сквозь три зарешеченных оконца падал свет внутрь комнаты от единственного во дворе фонаря. В полумраке он нашарил на стене выключатель, щелкнул торопливо, загорелась ослепившая его лампочка. Что-то в комнате заставило его насторожиться, что-то озадачило, он сразу и не понял. Стол, чистый посередине, обычно весь заставлен посудой, в книжках мальчишкиных, в разной ерунде. И ни одного стула, ни табуретки. Чем они здесь занимались без него? И кот не бросился в ноги, как обычно; тут же вспомнил он – и Жулька во дворе не лаяла, не мельтешила. Вымерло

все, не иначе.

– Да где вы все? Прятаться задумали? – он шагнул в детский угол комнаты, где обычно спала на одной кровати ребягня, ухватился за край полотняной шторки на веревочке, рывком отдернул ее в сторону и замер.

Перед ним сидели на стульях два незнакомца. Один, безобразно толстый и лысый, щурился от света, постукивая кастетом в ладошку. Второй, болезненно худой и белый, поигрывал ножичком перед самым его носом. За их спинами, привязанный каким-то шмотьем к кровати, дергался Игнашка с заткнутым полотенцем ртом.

Мисюрь отпрянул назад, круто развернулся, но получил страшный удар в лицо и без чувств свалился с ног.

– Заждались тебя, папашка, – сплюнул на него худой, поднялся со стула, перешагнул через лежащего Мунехина и заворил за ним дверь. – Ты побережней с ним, Ядца. Ум вышибешь.

Толстяк хмыкнул, спрятал кастет в карман необъятного светлого парусинового пиджака.

– А чего он скачет, как козел?

– Папашка нам еще понадобится. А бегать он больше не станет. Не будешь, правильно я говорю? – нагнулся над Мунехиным худой.

– Он теперь долго думать будет, – сплюнул и Ядца на лежащего. – Ты бы его водичкой, Хрящ? Освежи.

– Это можно. – Хрящ повернулся к кровати, перерезал

пути мальчишке, вытащил полотенце у него изо рта. – Ну-ка, малец, полей на отца вон из того чайничка. Да не шалить, а то я ему горлышко-то подрежу.

Хрящ защелкал ножичком перед лицом проходящего в чувство Мисюря, лезвие засверкало, запрыгало туда-сюда у глаз Мунехина.

Парнишка в одних трусах, согнувшись от страха, с заплаканным лицом поднес чайник.

– Лей, не жалея! – заржал Хрящ оглушительно. – Спасай отца, малец. И нюни утри.

Мунехину вода не понадобилась, он уже во все глаза смотрел на незваных ночных гостей, пытался встать, но не удавалось, а подавать руки ему никто явно не намеревался.

– Лежи пока, – пихнул его без особой злобы, больше для острастки, Хрящ. – Команду дам, встанешь.

– Кто вы? – разжал губы Мисюрь. – Чего вам надо от нас?

– Правильно начинаешь, голубчик, – подал тонкий дребезжащий голос толстяк. – Познакомиться нам не помешает. Давай, поведай-ка о себе.

– Что ж о себе? Мы люди простые, – озираясь, Мисюрь искал глазами второго сына: Доната, определенно, в комнате не было.

– Болтай, болтай. Чего замолчал? – щелкнул опять у него перед лицом ножичком Хрящ. – Мне твоя биография интересна.

– Чего же сказать? Дворник я. Какой от меня интерес?

– Дворник?

– Улицы мету.

– Улицы, говоришь?

– Ну да. Чего ж еще, если дворник?

– А смотри-ка сюда! – Хрящ зверем схватил мальчишку,

так и стоявшего возле отца с чайником в руках, прижал к себе.

Чайник грохнулся на пол, вода залила Мунехина, но он закричал не от этого, а от страха, когда увидел, как Хрящ ткнул ножом в глаз Игнашке. Тот чудом успел увернуться, нож полоснул по щеке подростка, оставляя яркий кровавый след.

– Не трожь дитя! – рванулся было Мисюрь к бандиту, но не успел приподняться, как снова распластался на полу от жесткого удара кастетом.

Толстяк Ядца опять потер, погладил сверкающий кастет ладошкой, участливо покачал головой.

– Так и не доживет до утра наш собеседник.

– Уж больно нервный.

– Горяч.

– И неразговорчивый.

– А ты с ним по-другому.

– Это как?

– Пощекочи пацана. Папашка скорее заговорит.

Хрящ, не отпуская насмерть перепуганного мальчишку, приставил ему нож к уху:

– Проси отца, чтоб дуру не гнал.

Игнашка заскулил, засучил ногами в руках бандита.

– Оставь ребенка, сволочь, – очнулся Мунехин. – Что он тебе?

– А ты не дергайся. И рассказывай шустрей. Некогда мне твои сказки слушать.

– Что вам надо?

– Сам знаешь. Не догадался, кто с тобой беседует?

– Вижу, что бандиты.

– Не хами.

– Берите все, что есть. Что спрашиваете?

– Что же у тебя есть? – Ядца не без труда поднялся на ноги, обошел комнату кругом, заглянул под кровать для вида. – Нищий ты. Бессребреник.

– А что вы хотели? Метлой не много наметешь.

– И в церкви поешь? – Ядца хитро скосил глаза.

– Пел, когда просили. А с вами Бога, видать, нет?

– Ну, хватит! О Боге заговорил, – Ядца подошел к книжной полке на стене у стола. – Глянь, Хрящ, певчий-то у нас еще и книжки читает.

– Ученый попчик.

– Грамотный, – Ядца поводил носом по корешкам книжек, полюбопытствовал, взял одну в руки, повертел. – Да тут не псалмы, не Библия, Хрящ.

– Чего же там?

– Серьезная литература. Глянь! – Ядца швырнул книж-

ку из рук на пол, взял вторую, прочитал нараспев, – словарь фор... ти... фи... ка... ци... онный. О! Еле выговорил. И вот еще. Путеводитель по Москве. Слышал? По самой Москве-столице.

– Оттуда наш рассказчик? А говорит, дворник церковный.

– Погоди, погоди. Вот еще книженция. Нет. Журнал древний. Бог ты мой! Труды Имперского московского археологического общества!..

– Оказывается, археолог ты у нас? – Хрящ, не оставляя подростка, ткнул ножом в плечо лежащего Мунехина. – А чего скрывал? Скромный? Молчун?

– Что вам надо от меня? – зажал рану Мунехин, закусив губу.

– Недогадливый? Или еще? – Хрящ полоснул ножом по другой щеке мальчишки, оставляя новый кровавый след, тот ягненком забился в его руках, завизжал.

Мунехин только дернулся на полу, ударился головой об пол.

– Не стучи башкой-то. Пожалей.

– Суки! Звери вы!

– Полайся, полайся! Еще? – нож Хряща сверкал у глаза Игнашки.

– Хватит! Все скажу.

– Вот так-то лучше, – Хрящ не отводил руку с ножом. – Но запомни. Будешь врать, пацана твоего искалечу.

– Отпусти его!

– Хорошенький-то мальчишка, – Хрящ, любуясь, отстранил от себя голову подростка. – Смотри на папашку, голубок. Пожалел тебя папашка. Глазки у тебя добрые, в слезках. А папашка мне соврет, и не будет глазок. Сначала этого, а потом другого.

– Отпусти!

– А как же ты без глазок-то? – не унимался бандит, которому, видно, доставляло удовольствие издеваться над Мунехиным. – Тебе расти да расти. В школе учиться. А ты без глазок никуда. Плохо без глазок, а?

Он резко оборвал свои поучения, оттолкнул от себя парнишку на пол, тот мигом прижался к отцу, дрожа всем телом. Мисюрь обнял сына, отер кровь с его лица, заглянул в глаза, поцеловал.

– Гляди, Ядца! – ткнул в их сторону ножом Хрящ. – Ничего не напоминает тебе эта картинка?

– Отстань, – отмахнулся тот, листая журнал, вытасченный из вороха с книжной полки. – Я тут наткнулся на подземные раскопки. Статейка-то как раз к месту!

– Во! С этого и начнем, – Хрящ повеселел. – Только ты что за книжки-то взялся? У нас вот, живой гость из подземелья! Только что оттуда! Он нам все вживую расскажет.

Мисюрь молчал, поглаживая сына, осторожно озираясь на прикрытую дверь из комнаты, путь к ней был пока свободен.

– Расскажешь ведь?

Мисюрь кивнул.

– Ты монаха сховал?

Мисюрь вздрогнул, как от удара, поднял глаза на бандита.

– Значит, это вы его?

– Вопросы я здесь задаю.

– Значит, вы... А я его землице предал. Как Господом нашим завещано.

– И где ж ты его закопал?

– Долго идти...

– Опять?

– Чего опять? Действительно, долго. Но если желаете, доведу до могилки.

– Обшарил его?

– Чего?

– Что на мертвом нашел?

– Что я, мародер, что ли? По мертвому шарить человеку...

– Значится, не было при нем ничего?

– А мне откель знать?

– Не было... А может, врешь? – Хрящ дернулся с ножичком к Игнашке, тот сильнее прижался к отцу.

– Крест нательный был. Так я его при покойнике и оставил.

– А нож?

– Нож я раньше из спины вытащил. Где Донат-то?

– Вот укажешь, где нож, тогда Доната своего получишь.

– Что с ним?

– С ним? А что с ним будет? Скучает твой старшенький.

Где он, дорогой мой дружок? – повернулся Хрящ к Ядце. – Куда мы его поместили-то, драчливого?

– Куда надо, – буркнул Ядца, он, казалось, не слушал вопроса, уселся уже с толстенным журналом к столу и внимательно листал его, изучая, рядом бугрилась внушительная кучка журналов с книжной полки. – Глянь сюда, Хрящ, здесь у нашего археолога все книжки про подземные раскопки. Интересы имеешь к ним?

Толстяк вперился в Мунехина.

– Имеешь. А может, и про Стеллецкого что вспомнишь? Игнатия Яковлевича?

Мунехин только зыркнул злыми глазами.

– Вспомнил покойника. Ну и хорошо. – Ядца даже успокоился, умиротворенно кивнул приятелю. – У меня потом вопросы будут. А пока полистаю тут журнальчики. Может, еще чего найду интересного.

– Ну, археолог? – Хрящ заерзал на стуле. – Продолжим?

– Позволь мальцу лицо смыть, – Мунехин подтолкнул Игнашку к двери. – Вишь, в крови весь. Задел ты ему что-то. Не останавливается кровь-то.

– Обойдется.

– Позволь. Ребенок же. Чего ему в крови?

– Отстань.

– А истечет? Позволь! Ребенок же!

– Во пристал! Ядца, как?

– Да пусть его, – отмахнулся Ядца, не отрываясь от жур-

налов.

– Иди, пацан, только смотри у меня! Вон, ведро у стены.

Мальчуган встал на нетвердые ноги, поднял чайник с пола, двинулся в угол комнаты к ведру. И тут случилось неожиданное. Мунехин бросился на Хряща, схватив его руку с ножом, свалил вместе со стулом на пол и дико закричал сыну:

– Беги, Игнашка! Беги, сынок! Зови милицию! Спасайся!

Секунду-две подросток соображал, что ему надо делать; поняв, дернулся к двери, распахнул, вываливаясь в коридор, но уткнулся в ноги застывшего в проходе человека. Для того тоже, по всей видимости, это было полной неожиданностью. Он аккуратно и цепко схватил беглеца за шиворот, поднял вверх для всеобщего обозрения и, оглядев со всех сторон, втащил обратно в комнату, плотно закрыв за собой дверь.

– Что за дела? – только и спросил он.

Хрящ и Ядца уже мутузили ногами скрючившегося в три погибели обреченного Мунехина.

– А ну-ка стоп! – поднял руку пришедший. – Что за мордобой? Брэк!

Из-за его спины выглядывала настороженная физиономия Пашки Дубка.

Corporis faces⁹

– Так ты говоришь, архиерей лишь меня хочет видеть? –

⁹ Corporis faces (лат.) – чувственные влечения, плотские страсти.

как был, в том же рыбацком обличье, Игорушкин только что выслушал доклад посыльного из штаба областной милиции.

– Так точно, товарищ прокурор! – отрубил старший лейтенант.

– А ваш генерал его не устраивает?

– Не могу знать, товарищ прокурор!

– А сам что же?

– Не понял, товарищ прокурор?

– Сам, Максинов, не может решить его вопросы?

– Не могу знать, товарищ прокурор.

– Ну, заладил... – Игорушкин поморщился, скосил глаза на Кравцова. – Что же случилось? Толком можешь объяснить?

– Генерал приказал сообщить: происшествие серьезное.

– Сам-то владеешь ситуацией?

– Труп обнаружен. Близ церкви.

– И только? Велики дела, – хмыкнул Игорушкин. – Если по каждому умершему сам архиерей прокурора области требовать станет!..

– Труп церковнослужителя, товарищ прокурор.

– Вот как! С этого бы и начинал. – Игорушкин глянул на Тешиева. – Вот незадача!

– А может, мне съездить, Николай Петрович? – заместитель без слов понимал шефа.

Покидать Кравцова даже на несколько часов? Да еще после такой рыбалки! Да еще когда тот приехал погостить в

кой-то лета? И надо же такому приключиться! На какую-то недельку вырвался прокурор республики к ним с удочкой отвести душу, и на тебе!

– Нельзя, Николай, – Игорушкин опять покосился на Кравцова, но тот не вступал в рассуждения, отмалчивался.

– А чего? Съезжу. Встречусь. Выслушаю претензии, просьбы, если имеются. Что серьезное – подыму Колосухина, прокурора-криминалиста...

– Оперативная группа на месте, – опередил офицер милиции. – Со вчерашнего вечера.

– Как?

– Вчера первый выезд был. Там с трупом недоразумения.

– Кто в составе?

– Начальник следственного отдела КГБ майор Серков.

– А им зачем?

– Не могу знать.

– Кто же гэбэшников послал? Что им там делать? Труп же? – Игорушкин нахмурился на посыльного, будто тот принимал решение. – Может, с сердцем что-то? Народ-то в церквях пожилой?

Милиционер сосредоточенно помалкивал.

– Не иначе сам Марасев скомандовал, – посерьезнел и Тешиев. – Тут, по всему, и без Боронина не обошлось.

– Ты думаешь? – засомневался Игорушкин. – Леонид Александрович-то при чем? Не пойму я тебя.

– Точно. Закрутилась цепочка. – Тешиев оживился, за-

двигался, забегал вокруг вросшего сапогами в землю старшего лейтенанта. – Глава церкви с жалобой в облисполком, там Торину доложили, Марк Андреевич без Боронина шагу не сделает, тот – начальника КГБ поднял, как обычно, а Марасев, известное дело, – своих, чтобы все лучше знать. Ну а нашим – сам Бог велел.

– Кто из наших? – Игорушкин поднял глаза на посыльного.

Милиционер задумался, соображая.

– Кого из прокурорских Колосухин снарядил в оперативную группу на выезд? – повторил понятливее Тешиев.

– Выезжали замначальника следственного отдела Ковшов и криминалист Шаламов, – выпалил тот.

– Результат? – вперился в посыльного Игорушкин.

– Мне известно, что из-за позднего часа и отсутствия должного освещения осмотр места происшествия был перенесен. Сегодня должны продолжить.

– Говорил я тебе, Николай, телефон надо было сюда протянуть, – Игорушкин с тоской обернулся на домик, где, сгрудившись вокруг уставленного яствами стола, готовилась к веселой трапезе их компания.

Майя нетерпеливо помахивала отцу рукой, Мария, заждавшись, разливала душистый чай по чашкам, прокурор района Волобаев суетился подле, помогая с пестрыми блюдами, Михал Палыч, размахивая руками, досказывал всем легенды о сазанах, добытых им с Кравцовым под столетней

корягой, одна Анна Константиновна поймала взгляд мужа и замерла, почуяв недоброе.

– С телефоном бы сейчас не мучились, – закончил фразу Игорушкин. – А что теперь? Полная неизвестность.

– Поставим, Николай Петрович, – оправдывался заместитель. – Мы же здесь не частые гости. Раз выбрались. И то благодаря приезду Бориса Васильевича. Здесь и столбов-то нет! Как провод тянуть?

– А Волобаев тебе на что!

– Понял, Николай Петрович.

– Понял... Все у нас задним числом.

– А давай-ка, Николай Петрович, вместе проведем вашего владыку, – подал вдруг голос Кравцов, молча слушавший все это время их разговор. – Тем более я, кажется, знаком с ним.

– Что вы говорите? – всплеснул руками Тешиев.

– Да, да. – Кравцов взял под руку смутившегося Игорушкина и повел к домику. – Сам поражен совпадением. Но это так. Только сейчас вспомнил.

– Как же? Когда? – недоумевал тот.

– Переоденемся, позавтракаем, а в дороге я расскажу, – Кравцов улыбнулся прокурору области. – История поучительная и стоит того, чтобы знать. Владыка ваш – личность незаурядная.

– Послушайте... – проводив начальство взглядом, Тешиев поманил к себе офицера.

– Старший лейтенант Свердлин, – представился тот, – Владимир Кузьмич.

– Послушайте, Владимир Кузьмич, – Тешиев доверительно коснулся кителя посыльного. – Что за суматоха там поднялась? Что за переполох? Столько начальства подняли! Что происходит?

– Обстоятельства устанавливаются, товарищ заместитель прокурора области, – щелкнул каблуками тот.

– Ты бы попроще. Не знаешь меня?

– Ну как же, Николай Трофимович!

– Во... Так лучше... Убили священника?

– Труп пропал, Николай Трофимович.

– Смеешься?

– Как можно! Церковнослужитель пропал. Есть подозрения, что его убили.

– И что там наши? Что Ковшов?

– Не владею информацией, Николай Трофимович. Все держится в большом секрете. Оперативная группа с утра должна продолжить поиски.

– А архиерей, значит, жаловаться решил?

– Выходит, так.

– Где же он? У генерала сидит?

– Был на приеме у Максинова. А по дороге сюда я его к вам завез, в облпрокуратуру. Сказал мне, там дожидаться будет Игорушкина.

– Долго же! Там у нас, кроме дежурного, никого...

– Максинов загодя за Колосухиным послал, вызвал того из дома.

– Значит, ты владыку с рук на руки Виктору Антоновичу передал?

– Так точно.

– Это хорошо. Это ты правильно сообразил.

– Генерал приказал, Николай Трофимович.

– Что? Генерал? Ну, конечно, генерал... Главное, пока Николай Петрович с Кравцовым приедут, Колосухин его заговорит.

– Грозный батюшка...

– Позавтракаешь с нами?

– Спасибо. Сыт.

– Пойдем, пойдем, служивый, – Тешиев потянул посыльного за собой к столу, где основная компания уже допивала чай.

– Майя, угощай гостя, – подвел Тешиев офицера к зардевшейся девушке. – Владимир Кузьмич его звать. Прошу любить и жаловать.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – вспорхнула с чашками для подошедших девушка и потянулась к самовару. – Вам с молоком или сливками?

– Мне кофе, – поднял карие глаза офицер.

– Кофе никто не пьет, кроме меня... А он кончился... – смутилась девушка, утонув в глазах офицера, и совсем запылала так, что Анна Константиновна, все забыв, бросилась ей

на помощь.

– Есть кофе, Маечка! Как же? – Анна Константиновна не узнавала свою дочь; куда девались ее отчаянная независимость, дерзость, постоянное желание возражать; та совсем потерялась, словно малый ребенок.

– Сейчас принесу! – Анна Константиновна поспешила в комнаты и скоро возвратилась с баночкой в руках. – Вот. Маша позаботилась. На здоровье, Владимир Кузьмич.

Офицер между тем не сводил с Майи глаз.

– Бывает все ж на свете, – едва слышно, только для нее сказал он.

– Что вы?

– Бывает. А я не верил, – заглянул ей в глаза офицер.

– О чем вы? Простите. Вам кофе с сахаром? – она подала ему чашку.

– Ах, обмануть меня не трудно, – он, будто случайно, задержал ее пальцы в своих, принимая чашку. – Я сам обманываться рад...

– Сахар? Простите, – она тихонько высвободила руку, стесняясь чужих глаз.

– Только горький, Маечка. Только горький...

Владыка

Михал Палыч глянул на Игорушкина, тот кивнул ему, мол, следуй за милицейской «Волгой», где впереди восседал

посыльный генерала, и автомобиль плавно покатил с места.

– Не гонись за ним. Не спеши, Миша, – Игорушкин упредил Нафедина, зная страсть своего водителя, не любил тот в хвосте плестись. – Успеется. Я попросил Свердлина поторопиться, предупредить Колосухина, что мы выехали. А то архиерей-то, небось, спекся, нас дожидаясь.

– С архиепископом Иларионом судьба свела меня года полтора назад, – закинув руку на спинку, усевшись удобнее на заднем сиденье автомобиля, сказал Кравцов. – Поэтому еще свежи воспоминания.

– Он у нас в области месяцев шесть, не более, – развернулся к прокурору республики Игорушкин. – Всего ничего, а скажу я вам – впечатлил многих.

– Незаурядная личность!

– Заставил считаться с собой и обком партии, и облисполком, а уполномоченный по делам религии Мухоркин от него чуть не прятался одно время.

– Вот как!

– Да. Скандал. До правительства, в Москву, история докатилась. Туда своих ходоков посылал. Тайно.

– Это что же?

– Не находил понимания с Мухоркиным. Считал, вмешивается тот в дела церкви. А бабу одну, извиняюсь, женщину из райисполкома, однажды сам выгнал с какого-то церковного собрания. Та потом ему мстила. Пыталась пьяным поймать. Ославить. Одурела совсем. Как-то на Пасху в храм во-

рвалась. Иларион после службы за стол сел отобедать, или, как у них там говорят, вкусить плоды земные, а та ворвалась с помощниками, водку на столах искать начала да владыку нюхать.

– Безобразие!

– Что с дуры возьмешь?

– И чем же все кончилось?

– Погнали зарвавшуюся своевольницу. Но не сразу. Понадобилось владыке дважды в столицу ходоков посылать.

– Вот как!

– И там, в московских конторах, хитростью пришлось пользоваться.

– Это почему же?

– А гоняли их из Совета по делам религии. Одна проверка была, но формальная. Проверяющий Мухоркина расспросил, чай попил и убрался. А с народом не встретился. А когда посыльные приехали второй раз, их в шею – были уже у вас, зря жалуетесь, мешаете работать.

– Там Куроедов заправлял. Не может быть. Мужик строгий, ответственный. Я его знаю.

– Так им до него не добраться. Они швейцара у дверей подсластили. Тот научил уму-разуму. Показал, где и когда главного словить. Вот они в ножки ему и кинулись.

– Гоголь! Неужели так и было?

– Стыдоба! Мне бы не знать никогда. Только у Анны моей подружка в школе, тоже учительница, а у нее мать верующая.

С дочерью всем делится, ну и до нас информация доходит.

– Не обращался сам-то в прокуратуру?

– В глаза не видел. И писем не было. Они же нас в такие дела не допускают, Борис Васильевич. В облисполкоме все оседает. Сами разбираются.

– Не надеялся, значит, он на местную власть...

– В облисполкоме владыка ходил, знаю. Обком партии им занимался. Слышал, сам Боронин встречался, а к нам нет.

– Верен, значит, он остался своей стратегии. Не сломался.

– Вы о чем?

– Я полтора года назад подобную же проверку проводил по его обращению лично к Леониду Ильичу.

– К Брежневу?

– К нему.

– Как?

– Архиепископ Иларион в то время на Украине служил.

– А как же?.. – Игорушкин запнулся. – Почему вам поручили проверку-то? Украина ведь – союзное государство? Своя прокуратура?

– В этом вся курьезность ситуации и была, – без улыбки ответил Кравцов; наоборот, поморщился, словно от зубной боли. – Леонид Ильич, я полагаю, усмотрел что-то похожее на национальный шовинизм в обращении Илариона. Тот приводил факты вопиющего произвола по отношению к православной церкви со стороны местных уполномоченных. Помню фразу его в заявлении, задевшему меня тогда. И до-

гадываюсь, не меня одного. Требую, писал он, избавить от гнетущей опеки в делах христианской церкви. Было бы нелепым, чтобы дела коммунистов решали вдруг фашисты. Так и в церковной жизни. Пусть все на свои места станет.

– Так и написал?

– Да, кажется, память меня пока не подводит.

– Значит, не побоялся.

– Настроен он был решительно.

– Силен владыка!

– А товарищи отнеслись с понятием к тому, что мне, а не им пришлось заниматься проверкой. С прокурором Украины мы до сих пор хорошие друзья. Не обиделся, что его подменил. Помогал от души. Снабдил всем необходимым материалом.

– У нас прокурорские традиции крепки! – кивнул Игорушкин. – Я вот как-то отдыхать ездил в эту... Как ее... Михал Палыч, ты меня провожал...

– В Карпаты, – подал голос Нафедин.

– Да. Трускавец. С почками. Так там меня встретили, разместили!.. Одним словом...

– Он же, Иларион, по рождению Митрофаном звался. И фамилия его Дуган.

– Хохол все же?

– Хохол. Из бедняцкой семьи. Но семинарию в Москве закончил после войны. Преподавал, даже ректором был в Одесской духовной семинарии.

– Подтвердилась ваша проверка?

– Убрали Илариона тогда с Украины, – резко бросил сквозь зубы Кравцов.

– Не подтвердились факты?

– Почему? Подтвердились.

– А что же тогда?

– Проследил я за его службой, – не отвечая, продолжал Кравцов. – На Север его угнали. А он здорово болен был тогда. Холод ему был смертельно противопоказан.

– А кто ж его спас? К нам-то как он?

– Знали его предшественника, Николай Петрович?

– Лично нет. Но помню, кажется, Михаилом звали архиерея, что до него у нас был.

– Вот этот архиепископ Михаил и вызвался поехать в Сибирь вместо больного Илариона.

– Дела...

– Хонэстум нон эст семпер, квод лицет, – Кравцов отвернулся к окну и надолго задумался.

– Борис Васильевич? – помолчав, подступился к нему Игорушкин.

– Я повторил, простите, древнее изречение римлян. Увлёкся, знаете ли, латинским языком в студенческие годы. Умели они спрессовать мысль в красивой фразе. Не все нравственно, что дозволено. Красиво? Не правда ли?

– Я историк по первому образованию... – Игорушкин смутился.

– Вы правы. От нас время другого требовало.

– А я тоже заметил, Борис Васильевич, не приживется и у нас владыка Иларион.

– Вы так считаете?

– Похоже.

– Интересно, как он сейчас выглядит?

– А вы встречались?.. Тогда.

– Знаете, как-то мельком, поговорить не привелось серьезно. Хотя я очень хотел. Архиепископ Иларион был болен, а меня срочно отозвали из Киева, как только я доложил предварительные результаты проверки. Потом другие заботы закружили. О его судьбе узнал значительно позже. И вот здесь... вдруг... у вас... услышал о нем.

– Ну теперь увидите.

– Да, да. Интересно.

– Как раз и приехали, – вмешался в разговор Михал Палыч, останавливая автомобиль у парадных дверей областной прокуратуры. – Старший лейтенант, видать, заждался нас. Ишь, бегаёт у подъезда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.